

Вольное экономическое общество России

Научные труды ВЭО России

Г.Х. ПОПОВ

**...Я всех, кто жил в тот
полдень лучезарный,
Опять припоминаю
благодарно...**

(«Фауст», Гёте)

ТОМ СТО СОРОК ШЕСТОЙ

МОСКВА
2011 г.

*Президент Вольного экономического общества России,
президент Международного Союза экономистов,
президент, почетный академик
Международной Академии менеджмента,
президент Международного университета,
академик РАЕН, доктор экономических наук, профессор*

ISBN 978-5-94160-126-4
ISSN 2072-2060

© Вольное экономическое общество России, 2011

ЛИЦА

1. Леонид Иванович Абалкин	4
2. Олег Емельянович Кутафин	12
3. Валентин Сергеевич Павлов	18
4. Степан Арамаисович Ситарян	30
5. Тигран Сергеевич Хачатуров	37
6. Геннадий Алексеевич Ягодин	41
7. Лев Яковлевич Берри	46
8. Николай Александрович Цаголов	74
9. Харитон Гаврилович Попов	115
10. Краткая биографическая справка	125

Леонид Иванович АБАЛКИН

Перед читателем четыре тома избранных работ Леонида Ивановича Абалкина. Об авторе и о содержании этих томов есть специальные справки. Поэтому я хотел бы сделать несколько замечаний общего характера.

1. Об издании

Вольное экономическое общество России, приступая к публикации этого издания, руководствовалось прежде всего чувством глубокого уважения к автору, не один десяток лет активно участвовавшему в деятельности и Научно-экономического общества СССР, и Всесоюзного экономического общества, и Вольного экономического общества России (после восстановления исторической справедливости и возвращения организации экономистов России ее знаменитого имени).

Семидесятилетний юбилей Л.И. Абалкина дает еще один весомый повод для издания четырехтомника его избранных произведений.

Публикация труда Л.И. Абалкина, в традициях ВЭО, выполняет и своего рода долг перед российской экономической наукой. Ведь велика опасность того, что вместе с выбрасываемым хламом уличных транспарантов будет утрачена память об истории и самой советской экономики, и ее экономической теории. Чем же оборачивается забвение истории, мы хорошо помним и по советским годам, и по годам послесоветской эпохи. Труды Леонида Ивановича, как и ранее изданные работы Т.С. Хачатурова, – серьезный вклад в историческую библиотеку ВЭО.

Но публикация работ Л.И. Абалкина имеет не только исторический и юбилейный аспект. Есть много того, о чем надо говорить в связи с публикацией четырехтомника.

2. Где шло вызревание эпохи реформ

Кажется, в «Былом и думам» А.И. Герцен высказал очень важную мысль. Оба потока русской мысли первой половины XIX века – западники и славянофилы, ожесточенно споря друг с другом, с разных сторон вносили свой вклад в формирование комплексного представления о России, ее проблемах и путях их решения.

К сожалению, синтеза, о котором мечтал А.И. Герцен, так и не получилось. Россия вошла в новый век расколотою на ряд враждующих идеологий, и в этом была одна из причин и ее великого взлета, и ее великой трагедии в XX веке.

Но сама по себе мысль А.И. Герцена очень ценная. Ее я всегда вспоминаю, когда размышляю о корнях и судьбах эпохи послесоветских реформ.

В отличие от восточноевропейских стран, где роль внешних, эмигрантских сил была велика, на развитие идеи реформ советского строя русское (и вообще «советское») зарубежье не оказало значительного влияния.

Конечно, была серия работ, в том числе и исключительно глубоких. Достаточно назвать произведения Бердяева, Ильина, Авторханова или, скажем, Троцкого. Но все это существовало где-то вне СССР и не стало ферментом для вызревания реформ советского строя.

И диссидентское движение, символом которого стал Андрей Дмитриевич Сахаров, влияло на подготовку реформ в СССР далеко не так, как, скажем, в Польше или Чехии. И хотя работы наших диссидентов были весьма оригинальными, были близки к нашей действительности, их воздействие было недостаточным на вызревание эпохи реформ в СССР.

Еще об одном источнике нашей реформации надо сказать – о работах западных советологов. Были среди них пропагандистские агитки. Но были и серьезные исследования. Работы советоло-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

логов были нам, в СССР, более доступны. И в силу растущих контактов СССР с Западом. И в силу того, что эти работы по разным каналам достаточно широко переводились и они в качестве «специальных» или «секретных» изданий попадали и на наши столы, и в наши головы.

И все же, воздавая должное всем этим трем течениям экономической мысли и, тем более, их авторам, я убежденно считаю, что главную работу по подготовке реформ выполнили ученые внутри страны. Вполне официальные академики и доктора. Вполне официальные аспиранты и научные сотрудники. Вполне официальные директора, сотрудники министерств и ведомств. И в части критики советского строя. И, особенно, в части разработок предложений по его улучшению. И в плане попыток что-то сделать практическое. И в плане обосновать эти практические меры теоретически. При этом совокупно влияли как успехи, так и неудачи.

Этот источник эпохи советских реформ я называю «**реформаторами из советской системы**». Именно это течение, искренне пытаясь улучшить государственный социализм, постепенно подводило и теорию, и практику к идее невозможности «отмыть добела черного кобеля».

Именно в рамках этого течения развивался Л.И. Абалкин как ученый.

3. Поиск улучшений

Если определять главное содержание работ Л.И. Абалкина советских лет, то это **активный поиск путей улучшения советской экономической модели**.

Л.И. Абалкин, во-первых, сразу отверг саму идею о «лучшем из возможных миров». Для него советская экономика полна недостатков и проблем. Она – объект для работы, а не икона для поклонения.

Во-вторых, Л.И. Абалкин отверг и идею того, что надо внимательнее изучать классиков марксизма – и все решения будут найдены. Классиков он знает превосходно. Но они для него – метод, а не кладезь рецептов.

...Опять припоминаю благодарно...»

В-третьих, Л.И. Абалкин не считает, что выход из наших трудностей в возврате к «чистоте» идей марксизма-ленинизма. Концепция совершенствования социализма путем очистки его от «немарксистских» наслоений советских лет, которая и тогда имела немало поклонников и которая сейчас постоянно всплывает при попытках КПРФ оценивать наше прошлое и будущее, ему совершенно чужда. Надо идти не назад, а вперед.

Четвертую особенность подхода Л.И. Абалкина я бы определил как «опора на теорию». Он постоянно ищет глубинные, теоретические основы. Его не удовлетворяют пусть эффективные, но сугубо эмпирические находки. Обращение к теории всегда было исходным у Л.И. Абалкина.

И, наконец, в-пятых, я бы выделил устойчивое стремление Л.И. Абалкина найти пути улучшения не только экономики, но и уровня жизни всего народа, особенно трудящихся людей. Эта, я бы сказал, социал-демократическая идея «социальной ориентации экономики» отличает Л.И. Абалкина от идеологов роста социалистического производства как такового, которых всегда было немало, особенно среди сторонников математического моделирования экономики.

Будущим ученым-экономистам будет трудно представить нашу жизнь тех лет. Когда успехом была сама возможность получить задание и, пользуясь этой «путевкой» и полученной в ее рамках свободой, написать докладную записку по той или иной проблеме. Когда крупным успехом было само приглашение в какой-то из «высоких» кабинетов для изложения своих предложений. И сверхуспехом было появление внесенных предложений в докладе какого-нибудь лидера на торжественном вечере или съезде, в постановлении правительства. И уже полным счастьем было участие в работе какой-то комиссии, которой поручили подготовить и провести тот или иной практический эксперимент. Все эти «круги» прошел Л.И. Абалкин.

Я не буду анализировать конкретные идеи Л.И. Абалкина. Эта тема большого и серьезного исследования. Но те особенно-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

сти его подхода, которые я выделил, не могли не привести Леонида Ивановича в круг ключевых фигур перестройки, начатой М.С. Горбачевым.

4. Упущенный шанс

Войдя в состав правительства СССР в качестве заместителя Председателя Совета Министров (председателем был Н.И. Рыжков) Леонид Иванович развернул работу по подготовке и концепции, и программы реформ, и самих конкретных реформ.

Собственно, все теоретическое и концептуальное должно было бы в принципе быть уже готовым. В обществе должны были определиться в связи с этими итогами политическте силы. А правительство должно было **подвести итоги** научной дискуссии, учесть политический расклад и превратить итоги в документы практической политики.

Но специфика перестройки конца XX века как раз состояла в том, что в предшествующую ей эпоху экономисты – и теоретики, и практики (а в широком смысле слова вся интеллигенция страны) – теоретические преобразования не подготовили.

В лучшем случае можно было обнаружить какие-то запасы идей у отдельных ученых. Как правило, эти идеи не были даже доведены до широкой общественности. Тем более – не стали объектом многолетней обстоятельной дискуссии. Говорить о чем-то устоявшемся, разработанном, ставшим предметом согласия или всего общества или хотя бы его крупных социальных групп не приходилось.

Крестьянская реформа 1861 года была подготовлена буквально десятилетиями дискуссией в обществе (первая работа на тему необходимости отменить крепостное право была удостоена премии на конкурсе только что созданного Императорского Вольного Экономического Общества еще во времена Екатерины Великой в конце XVIII века), тщательным изучением опыта зарубежной Европы, многочисленными экспериментами в самой России при Павле I, Александре I, Николае I. К середине XIX века работа «в идейно-теоретическом» плане уже была законче-

на. Варианты: помещичьи, крестьянские, абсолютизма – тоже четко сформулированы. И задача правительственного Комитета по реформе состояла в выборе варианта и превращении его в практические меры.

В совершенно иной по содержанию, но в сходной по готовности предложений ситуации начались реформы большевиков после 1917 года. Опять-таки целые десятилетия до 1917 года шла дискуссия. Опубликованы десятки исследований. Имелся опыт реформ П.А. Столыпина. Имелись программы партий. Все – вплоть до страшной перспективы террора, уничтожением «миллионов голов» – было рассмотрено (достаточно вспомнить «Бесы» Достоевского). Даже вариант как созыва Учредительного Собрания, так и его разгона был разработан Г.В. Плехановым еще в начале века.

Поэтому все преобразования, начиная со знаменитого Декрета о земле, уже были **готовы в умах**. В 1917 году речь шла о выборе Россией одного из предлагавшихся ей в последние десятилетия вариантов.

И только в конце XX века российская интеллигенция оставила страну без концепции реформ, представив лишь самые первичные заготовки. Все силы ушли на критику прошлого. А вот набор идей по реформированию советской модели был крайне мал. Даже в самом предварительном наброске концепции радикальной реформы не было.

Поэтому Л.И. Абалкин по существу столкнулся с двумя совершенно разными проблемами.

Во-первых, требовались научная разработка концепций реформ и достижение общественного согласия по какой-то из этих концепций. Это была задача не одного года напряженной работы, общественных дискуссий, политической борьбы в обществе и т.д.

Во-вторых, разработка комплекса административно оформленных решений и постановлений.

Первая задача требовала работы в обществе, в среде интеллигенции, в кругах научной общественности, в политической сфере. Работы публичной и открытой. Вторая – организации усилий многочисленных звеньев аппарата. Такая работа неиз-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

бежно сводится к «сидениям» в кабинетах и на дачах. К жестким срокам. К своего рода «закрытости».

Совместить эти два процесса в принципе было невозможно. Ведь вторая работа предполагала определенную завершенность первой – вплоть до победы на выборах сторонников одной из концепций.

Всего этого Леонид Иванович не мог не понимать. Но после десятилетий ожидания, после бесконечного числа докладов, проектов, предложений, заметок и вообще работы «на подхвате» было попросту непосильно отказаться от впервые представленной возможности – пусть почти с нулевой вероятностью – оказать прямое практическое воздействие на реальную экономическую жизнь, сделать шаг в сторону осуществления давно вынашиваемых идей.

Я в этих случаях всегда оправдываю тех, кто этот шаг делает. Ведь еще Гомер с благоговением воспел знаменитое последнее предсмертное решение Одиссея плыть за Геракловы Столбы, откуда еще никто не возвращался, – плыть, потому что люди «созданы не для животной доли, а к знанию и к славе рождены».

Но доблесть не отменяет обреченность. Процессы в обществе шли гораздо быстрее любых усилий аппарата. Шанс реформ сверху, реформ прогрессивными силами руководства КПСС (шанс повтора России 1861 года или коммунистов Китая) был упущен. Ну, а если говорить честно, этого шанса практически не было. Аппарат – самый большой по составу кадров, возглавляемый самыми светлыми головами не может заменить процесс созревания самого общества. И опыт российских правительств, пришедших на смену правительству Абалкина, только подтверждает эту истину.

5. Рукописи не горят

Оказавшись у рулей российской власти, осколки бывшей советской номенклатуры, готовые на любые реформы ради сохранения себя в качестве лидеров государственной машины, вместо организации всенародного обсуждения концепций и вариантов с

...Опять припоминаю благодарно...»

большевистской лихостью сразу же взяли для практической реализации тот из вариантов, который показался им готовым. Это был проект, разработанный Международным валютным фондом (МВФ) для преобразования стран третьего мира в составные звенья нового мирового постиндустриального общества. Десятилетие было попросту растрчено с точки зрения интересов России. Но оно позволило наиболее активным из прежних хозяев советского режима закрепить за собой и рычаги власти и создать себе опору в виде захваченной собственности. Вместо подлинных капитанов политики и бизнеса Россия получила новую номенклатурную бюрократию и паразитический капитал.

Заслуга Л.И. Абалкина в том, что он последовательно доказывал неприемлемость варианта МВФ для России.

Сегодня, спустя почти десять лет, можно сказать, что уже мало осталось сторонников упований 1991 года. И это утешает. Существенно и то, что концепции реформ наконец достаточно выкристаллизовались и стали предметом открытой политической борьбы. А огорчает то, что и сегодня мы все еще не подошли к стадии, когда теоретическая дискуссия и политические баталии переходят в этап практических преобразований.

Но этот этап рано или поздно наступит. И я уверен, что многие из разработок Л.И. Абалкина – в том числе и из этого четырехтомника – снова найдут потребителя: и в среде ученых, и в среде практиков.

А самому Леониду Ивановичу хочется пожелать дальнейшей плодотворной работы. Человек не может изменить обстоятельства. Но достойно вести себя при любых обстоятельствах он обязан. Леонид Иванович из таких людей достойного поведения, которыми всегда славилась лучшая часть российской интеллигенции.

2004 г.

Олег Емельянович КУТАФИН

Сложно найти человека, который был бы так успешен, как Олег Кутафин. Ученые степени и звания, высокие должности, высокие награды страны. Но все дело в критериях.

Если говорить об объективных достижениях Кутафина – огромные успехи. Это числитель. Но если учесть потенциал Олега – человеческий, организаторский, научный, интеллектуальный – и поставить все это в знаменатель, то общая величина окажется малой.

Я пишу об этом с горечью, так как итог дроби – это не только и не столько личная трагедия Олега, сколько трагедия всей нашей страны и всего ее народа в XX веке.

Трагедия эта состояла в том, что существовало две отдельные группы людей: людей власти и круг тех, кого можно назвать национальной элитой. Год за годом, десятилетие за десятилетием углублялся разрыв между теми, кто составлял элиту страны, и теми, кто ею управлял.

Мало было среди известных мне людей элиты более способных и более пригодных, чем Олег, к тому, чтобы войти в круг высшего руководства страны. И – с другой стороны – при всех его умениях ему это не удалось. Ни в СССР, ни в постсоветской России перешагнуть через Кремлевскую стену он не смог.

Какая-то фантастическая интуиция была у нашей правящей номенклатуры. «Чужаков» она чувствовала не только умом, но и всей кожей: оттирала от «верха», выталкивала из аппарата в «прихожие»: в различные советы, комиссии и т.д.

В жизни Олега было два, как говорят математики, «приближения» к власти. Во-первых, в советское время, когда он занял

...Опять припоминаю благодарно...»

в двадцать пять лет очень престижный для «старта» пост первого секретаря Комитета ВЛКСМ МГУ. И, во-вторых, когда началась эпоха новой России с колоссальной нехваткой кадров высших руководителей и когда Олег опять был «на старте». И оба раза его останавливали. В советское время – жестко и грубо, а во время новой России культурно.

Думаю, судьба нашей страны и ее народа была бы иной, если бы люди типа Олега Емельяновича – а первым из них я бы назвал ректора МГУ Рэма Викторовича Хохлова – оказались у руля, взяли «возжи» страны в свои руки.

Ну а теперь по порядку.

Мы познакомились в наше самое лучшее время – в далекой молодости. Мы вместе поступали в Московский университет. И Олег, и я приехали из провинции. Оба – с медалями, оба поступили: он – на юридический, я – на экономический факультет. И дальше жизнь у нас шла во многом параллельными курсами.

Первое общее у нас с Олегом – это, конечно, сам МГУ. Для того чтобы понять, что это такое, надо вспомнить, чем был Советский Союз в 1954 году, когда мы поступили учиться. Это была страна, которая уже прошла революцию, чистку 37-го года и послевоенную борьбу с космополитизмом. Но, к счастью и для нее, и для нас, какие-то обломки старой русской культуры все же уцелели. Местом, где это наследие больше всего сохранилось, и был Московский университет.

Да, нами командовали деканы, назначенные чуть ли не в ЦК КПСС. Функционировали, конечно, и парткомы. Но при этом в МГУ работали выдающиеся преподаватели, которые воплощали собой старую российскую культуру даже своей манерой чтения лекций. На юрфаке еще продолжали преподавать специалисты старой школы по римскому праву, цивилисты и т.д. Как и на моем факультете были замечательные преподаватели по русской статистике, зарубежной экономике... С ними можно было разговаривать. И иногда даже одна фраза, единственное замечание, сказанные ими во время двухчасовой лекции, обретали для

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

студентов огромное значение и смысл. Это оказывало на нас большое воздействие. Фактически через МГУ к нам переходило наследство старой России. Поэтому для нас обоих университет значил гораздо больше, чем просто место получения знаний.

Второе, общее для нас – это, конечно, общежитие. Общежитие МГУ – университет в университете. Там приходилось учиться многому. Даже самой Москве – нужно было осваивать город, его традиции и культуру, многое из того, о чем в провинции мы и знать не могли. Кроме того, в общежитии жили люди из разных регионов страны, разных национальностей, традиций, специальностей, даже разных стран. Физики, математики, биологи, гуманитарии – у всех мышление организовано по-разному. Учились мы в разных аудиториях, а вот в общежитии были вместе. Мы варились в общем котле, который, по сути, был гигантским механизмом взаимного интеллектуального и житейского обогащения. Это была серьезнейшая школа человеческого взаимодействия.

Третья общность для нас с Олегом – комсомол. Я немногим раньше его перешел в комитет ВЛКСМ университета, он дольше работал на своем юрфаке. Но затем мы уже вместе отправляли ребят на целину, проводили Московский фестиваль молодежи и студентов, встречали Юрия Гагарина, организовывали ежегодную уборку картошки и многое другое. Кутафин стал первым секретарем комитета ВЛКСМ МГУ, а я руководил работой с иностранными студентами в качестве секретаря Комитета.

Тогда комсомольская работа для нас значила очень много. Признаться, поступая в университет, я не очень-то собирался ею заниматься. Но в стране произошли большие события: состоялся XX съезд, на котором был разоблачен культ личности. Перед нами, как казалось, возникла реальная перспектива того, что общество наше можно сильно изменить, если мы будем над этим работать. Мы верили, что обновление страны происходит, а комсомол – то место, где можно начать участвовать в реализации этого проекта. Первые годы хрущевской «оттепели» говорили: если в стране публикуют Дудинцева, если колхозники

...Опять припоминаю благодарно...»

получают паспорта и перестают быть крепостными, если появилось жилищное строительство и т.д., то все идет в правильном направлении. Проблемы начались в конце нашей учебы, когда расстреляли демонстрацию новочеркасских рабочих, когда Хрущев начал поворот к «строительству коммунизма при жизни нынешнего поколения»...

Вот эти три фактора – МГУ, общежитие и комсомол – были нашей общей школой, сближающим нас фактором.

Еще на наши отношения влияли и особенности характера Олега. Он был удивительно позитивно настроенным человеком. Хотя как комсомольскому руководителю ему приходилось принимать трудные решения, его доброжелательность к людям была неизменной.

Возвращаясь к нашей молодости, нужно вспомнить еще одно объединяющее наши биографии обстоятельство – мы оба выпали из партийно-комсомольской карьеры. И Олег, и я были секретарями Комитета ВЛКСМ МГУ. Это значительный пост – практически мы подчинялись не райкому и даже не горкому, а напрямую ЦК ВЛКСМ. И перспективы карьерные были очень большие. Один из руководителей комсомола МГУ Лен Карпинский стал секретарем ЦК ВЛКСМ. Кто-то уходил секретарями горкомов, райкомов... Но наше окончание университета совпало как раз с тем поворотом, который в стране происходил, – заключительный этап хрущевского времени, начало брежневского периода...

Я должен был переходить на работу в ЦК ВЛКСМ. И всю жизнь благодарен покойному Лену Карпинскому, секретарю ЦК, с которым у меня состоялся такой разговор:

- Ты как учишься?
- На отлично, Ленинская и Сталинская стипендии.
- Диссертацию можешь написать?
- Что значит «можешь»? За год напишу, если надо.
- Тогда брось это все, иди пиши свою диссертацию.

У Олега перспективы были гораздо шире, чем у меня. И тут сама система постаралась. Она словно нутром учуяла, что такие

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

люди, как Кутафин, для нее неприемлемы. И было сделано все, чтобы Олега из нее вышибить. Я деталей не знаю, но поработали большие специалисты в кадровой области. Инициатива шла «сверху»: нашли какие-то «криминалы», недочеты... И Олега освободили от работы Первого секретаря Комитета ВЛКСМ МГУ, не предоставив никакой партийной или комсомольской должности. Карьере просто сломали.

Пришлось начинать все заново, находить себя в новой сфере. И мы начали опять вместе: занялись наукой, диссертациями. Способности для научной деятельности у Олега были огромные. Ему повезло с научным руководителем – Давидом Златопольским – и как с человеком, и как с ученым. Но главное – сам Олег в полную силу занялся наукой.

Жалел ли он о том, что планировавшейся им карьеры не случилось? Человека неудобно об этом спрашивать, его нужно поддерживать в выбранном им на данный момент направлении. Однако, думаю, он страдал. И именно поэтому попытался снова войти в эту реку – уже сейчас, в постсоветскую эпоху.

И опять у нас получилось примерно одинаково. Я стал мэром и раньше него понял, что и с новой властью каши не сварить. Я ушел.

Олег все-таки пытался работать... В то время, в той ситуации, что имели место в России, найти для него пост, которого бы он заслуживал, – министра, генерального прокурора, председателя Верховного суда и т.д. – было нетрудно. Несколько раз это назревало, и я даже был уверен, что Олега назначат. Однако власть по максимуму использовала его знания и способности, по максимуму и благодарила, и награждала, но, так сказать, за Кремлевскую стену не пустила. Удивительным образом срабатывала интуиция. Система опять почувствовала, что он чужой. По большому счету, система опять его не приняла.

Бюрократии нужен человек, который живет в первую очередь ее интересами. А Олег был российским интеллигентом. Интеллигенту во власти вообще нечего делать – очень редко бывают периоды, когда можно работать. Кроме того, Олег был

...Опять припоминаю благодарно...»

по природе добр. Очень добр к людям. Рассматривать их как пешки он не мог – как бы этого ни требовала служба «во власти».

На мой взгляд, Олег Кутафин остался примером того, что и старая, и новая бюрократическая система людей его типа и масштаба ассимилировать не может. Они чужды и, более того, опасны той системе бюрократической власти, которая сложилась в мире в конце XX – в начале XXI столетия.

Олег прожил достойную и интересную жизнь. Очень сильный организатор, очень волевой человек, он умел достигать того, что считал необходимым. При этом его незаурядная воля сочеталась с личной мягкостью и доброжелательностью. Внешне он производил впечатление даже несколько медлительного, но оно было обманчивым, не соответствовало его внутренней сущности. И, конечно, Одесса всегда в нем чувствовалась. И его элегантность, и юмор, и отношение к окружающим людям – все это одесский стиль Олега. И это оставалось с ним всегда.

У меня была непростая жизнь, и в трудные моменты Олег всегда помогал мне. Это был потрясающий человек, он делал для других все, что мог, и делал по максимуму. К сожалению, так сложилось, что я мало чем смог его отблагодарить за долгие годы дружбы. Но одно большое дело я для него сделал. Будучи мэром Москвы, добился, чтобы здание Института общественных наук перешло к МГЮА. И должен сказать, что из гигантской собственности КПСС в столице российская бюрократия потеряла всего три здания, и это – одно из них.

2010 г.

Валентин Сергеевич ПАВЛОВ

1. Лидер, профессионал, державник

Валентин Сергеевич Павлов обладал всеми качествами лидера. И главным для лидера качеством – умением разбираться в людях.

Умение разбираться в людях часто присуще тем, кто начинал свой путь с самых низов. Им надо уметь пристально вглядываться в окружающих. Собственно, без такого умения рассчитывать на какой-то рост человеку из низов вообще не приходится.

А Павлов был настоящим выходцем из народных масс. Его родители – простые русские люди, москвичи. Сын шофера и медсестры стал главой правительства всей страны. Такой путь невозможен без врожденных, приобретенных жизнью и опытом и воспитанных в себе качеств лидера.

На умение оценивать людей повлияло и то, что Павлов долгие годы был рядовым работником, а потом – на вторых ролях руководства. На таких постах тоже надо уметь «вглядываться» в окружающих.

Я давно заметил, что чем быстрее выходил на лестнице карьеры человек на роль «первого», тем чаще и тем быстрее утрачивалась способность оценивать окружающих и подчиненных. Все перед ним заискивают, все льстят, все демонстрируют только лучшие свои качества и «прячут» то, что считают «опасным». А на каких-то высоких уровнях руководитель уже перед собой вообще ничего, кроме одинаково согнутых спин, не видит.

В условиях войны, жесткой рыночной конкуренции и других позабытых «внешних» факторов появляется «пресс», заставляющий научиться и оценивать кадры, и ценить их. А в СССР,

...Опять припоминаю благодарно...»

где единственный враг руководителя – аппаратные интриги, способность разбираться в людях быстро атрофируется. Особенно на верхах.

Я уверен, что неумение оценивать кадры, типичное и для Горбачева, и для Ельцина, – во многом итог их «восхождения», когда они годами были «первыми», потребляя не реальные, а специально «подготовленные» для них подчиненными «изделия».

Вторая черта Валентина Сергеевича – высокий **профессионализм**.

Это тоже черта выдвиженца из низов. Если за моей спиной нет родственников, нет покровителей, нет «руки», я понимаю, что только высоким уровнем знаний я могу сделать себе карьеру и завоевать авторитет. Лучше всего учатся те, кто в образовании видит свой второй – после качеств лидера – резерв, вторую свою опору в жизни.

Профессиональные знания Валентина Сергеевича всегда меня восхищали: это был своеобразный сплав теории и опыта. Причем у него теория обогащала опыт, а опыт постоянно осмысливался с позиций теории.

Профессионализм В.С. Павлова усиливался еще двумя факторами. Во-первых, самой специальностью: финансы. Это область, где дилетанту удержаться невозможно. Во-вторых, работа в плановых органах, которые были наиболее приоритетными во всем советском государственном аппарате. Я помню, как один из руководителей Госкомитета по науке и технике сказал о члене нашей рабочей комиссии с нескрываемым восхищением: «Госплановец, настоящий госплановец: знающий, жесткий, сухой, четкий, принципиальный во всех профессиональных вопросах».

Третья черта Валентина Сергеевича – его **технократизм**. Он мало интересовался – во всяком случае я этого не замечал – философией, социологией, вообще идеологией. По-моему, немного интересовался только историей. Но в целом ни социальные науки, ни общественная деятельность его не интересовали.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

В институте занимался не столько комсомольской работой, сколько спортом. Потом на работе в разных учреждениях не лез в бюро и парткомы. И, что самое характерное, он никогда не работал ни в каких партийных органах. Он был не только не пропитан, но даже не отмечен типичными чертами партийного аппаратчика. В годы всеобщей политизации во времена перестройки не входил ни в какие политические движения, объединения, союзы. Он был именно технократ.

Технократизм помогал долгие годы Павлову – в нем не видели конкурента в аппарате коммунистической партии те, кто «правил» в ЦК КПСС подбором и расстановкой кадров хозяйственного аппарата.

Но этот же технократизм стал для него сверхсерьезной проблемой, когда В.С. Павлов занял пост главы правительства, пост по преимуществу политический.

Четвертой чертой Павлова была государственность, скорее **державность**. Смысл своей работы он видел не в победе коммунизма, не в утверждении каких-то идейных ценностей, а в поддержании, сохранении и развитии мощи огромного государства, своей державы, СССР.

Общегосударственный подход был у него во всем. И это тоже черта работников таких «хребтов» всего государства, как Госплан и Минфин.

Хотя Павлов временами отвечал за какие-то отрасли или регионы, в нем не было ни тени ведомственности или местничества, каких-то уклонов от общегосударственного подхода.

2. Реформатор и ученый

По характеру Павлов был **реформатором**. Он всегда искал пути улучшения дела, которым он занимался.

Есть профессионалы, которые стремятся выработать высокие стандарты, лучшие приемы и методы и жестко их соблюдают. Таким руководителям ближе позитивный консерватизм, особенно если в этом консерватизме сконцентрировалось все лучшее из прошлого опыта.

...Опять припоминаю благодарно...»

А Павлов был профессионалом, который – если употребить слова Генри Форда – считает, что «нет вещи, которую нельзя улучшить».

Карьера Павлова, его рост целиком связаны не только с профессионализмом, но и с этим, присущим ему, духом реформаторства. Даже когда его предложения не принимались, его как работника думающего и анализирующего замечали и выдвигали.

Сам по духу реформатор, Павлов искал и ценил других реформаторов. К нему всегда можно было приходиться с предложениями – это знали все.

Реформатор в советской системе редко допускался на пост первого начальника. От этого «первого» требовалась неукоснительная исполнительность, готовность немедленно менять мнение вместе с советской директивой. Собственно, без этого директивная экономика не могла бы существовать. Но в окружении «первого» – особенно дальновидного, на всякий случай всегда был реформатор. Вдруг поступит директива – «улучшать», а у него уже есть целая папка записок этого реформатора. Или потребуется «самокритика» – тоже есть записи.

Людей с таким набором качеств, как у В.С. Павлова, в советском хозяйственном аппарате было мало. Но именно они составляли опору аппарата, были его очевидным, а порою скрытым, мозговым центром.

Когда я добивался утверждения для МГУ Центра проблем управления, добывал для него штаты, обеспечивал его заказами многие удивлялись, как мне это все удается. А у меня был ряд методов. И среди них такой. Когда мне надо было что-то решить в каком-то министерстве или ведомстве, я всегда искал там этих «главных действующих лиц». Они были кем угодно: заместителями министров, начальниками каких-то отделов, порою даже всего лишь референтами. Найдя таких работников, я объяснял суть своего дела и, если убеждал их, что дело это разумное, получал от них и советы, и поддержку. Впрочем, я и сам в годы работы в Мосгорсовнархозе тоже был чем-то вроде такого «думателя».

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Валентин Сергеевич обладал еще одним очень редким в среде технократов, но абсолютно необходимым реформатору качеством: он был **ученый**.

Он ценил науку, ценил ученых. Есть люди, которые от науки идут к реформаторству. Например, я сам. Валентин Сергеевич принадлежал к другому типу – к тем, кто шел к науке от реформаторства. Он в науке искал ответы на возникавшие у него вопросы, он в науке искал опору для своих предложений.

Он не жалел сил и весьма скудных резервов своего свободного времени для обеспечения своего собственного вхождения в науку. Защитил кандидатскую. Защитил докторскую. Писал книги. Находил время для преподавательской работы.

В нем не было ни капли бюрократического чванства в отношении науки и ученых.

Именно эти качества привели Павлова в наше экономическое общество, а затем – на пост председателя Всесоюзного экономического общества. Продолжая дело Т.С. Хачатурова, В.С. Павлов внес огромный вклад в возрождение в конце XX века славного Вольного экономического общества России.

Люди типа Павлова в советском аппарате брежневской эпохи самое большое, на что могли рассчитывать, – на пост члена коллегии, заместителя, в редких случаях – первого заместителя министра. Если они случайно оказывались на первых ролях – их «съедали», так как они были угрозой всему: и другим руководителям, и аппарату в целом.

Поэтому вполне логично и закономерно, что В.С. Павлов до начала перестройки продвинулся только до члена Коллегии Госплана, начальника отдела финансов Госплана.

И если бы не случилось чего-то неординарного, он так и работал бы на этом уровне. Для высоких постов всегда находились секретари парткомов, заведующие секторами из ЦК КПСС или просто чьи-то доверенные лица.

3. Перестройка

Перестройка все изменила. Уже в 1986 году Павлов стал председателем Госкомитета цен, а с 1989 года – министром

...Опять припоминаю благодарно...»

финансов СССР. С 1991 года он – первый и последний премьер-министр СССР.

Почему и откуда такой быстрый, прямо-таки фантастический рост?

Ответ – в реформаторстве Павлова. Он уже задолго до перестройки в своих реформаторских размышлениях начал «перерастать» рамки и своих отделов и управлений, и даже своего ведомства в целом.

Павлов не мог не видеть и не мог не тревожиться, наблюдая падение темпов развития, растущее научно-техническое отставание, хронические провалы попыток поднять то сельское хозяйство, то эффективность промышленности. И как профессионал, и как державник, и как ученый он не мог не думать о системе в целом: система финансовая, система ценообразования, система планирования.

У него сформировался достаточно обширный арсенал идей не о частных улучшениях, а об общей реорганизации хозяйственного механизма СССР.

И в конце концов он – как и многие из нас – пришел к идее сочетания плана и рынка. Рыночниками в СССР быстрее всех становились именно профессионалы-финансисты. Павлов был среди них.

Именно его концепция привлекала внимание. Именно она была главной скрытой пружиной, двигателем его блестящего роста.

Его выдвигали, так как он **знал и хотел** перемен. И знал, и хотел **больше** других. При этом он не был обременен грузом прошлого опыта. Не был обременен работой в парткомах и аппаратах партии. Он был и относительно молодым среди руководителей своего уровня. Таких как он на этом этаже экономики было мало – например, В.И. Щербаков или Ю.М. Лужков.

Но очень скоро стало ясно, что перестройка буксует и все больше и больше.

И причина не в недостатке идей по реформе хозяйственного механизма. Выяснялось все больше: что необходимы изменения **всего социального строя СССР**. Надо выйти из социализма.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Если планы рыночных преобразований экономики были – в том числе и у Павлова, то общего плана перехода СССР к постиндустриальному строю не было. Такой план – задача не технократов. Это задача лучших умов народа, его интеллектуалов.

Но если и к эпохе реформ 1861 года по освобождению крестьян тогдашняя дворянская интеллигенция Россию идейно подготовила, если к 1917 году интеллигенция России тоже подготовила все варианты перемен – от октябристского и кадетского до ленинского и анархистского, то к переходу СССР к новому строю интеллигенция страну и народ не подготовила. Не оснастила вариантами развития, не обсудила эти варианты, не довела их до масс и руководства.

Я хорошо знаю по собственному опыту, что сам советский строй сделал все это невозможным. За малейшую попытку обсудить то, что выходило за рамки социализма, нас карали. Оставалось работать «для себя», «в стол». Это объясняет, почему мы не выполнили свой долг перед народом, но не меняет итога.

Другим фактором стало отсутствие лидера нужного исторического масштаба. М.С. Горбачеву оказалась по силам задача разрушительной критики, задача ударов по исчерпавшему все резервы и потому отжившему социализму, но ни Михаил Сергеевич, ни его команда не были готовы к созидательной работе.

Счастье Китая состояло в том, что во главе страны были лидеры, прошедшие школу подполья, революции, гражданской войны, школу экспериментов, порой очень жестких. И среди них нашлись те, кто по уровню опыта, по знаниям и еще воле смогли возглавить постепенный, по возможности менее болезненный выход из социализма.

Руководство СССР, сформированное отбором через разнообразные, но только аппаратные, только сугубо бюрократические «сита», не могло не оказаться ниже того уровня, которого требовало время.

Лидеры КПСС и СССР не были ни консерваторами, ни противниками реформ. Напротив, они были готовы идти на них.

Но уровень этих руководителей, сформированный безвременьем Брежнева и десятилетиями давно выявившегося тупика с экспериментом государственного социализма, **не соответствовал требованиям эпохи реформ.**

В такого рода ситуациях эпоха реформ кончается. Начинается эпоха революций: когда низы уже не хотят жить по-старому, а верхи уже не могут по-старому руководить.

В жернова революции 1989–1991 годов попал вместе со всеми нами и Валентин Сергеевич Павлов.

4. Трагедии

У В.С. Павлова было три возможности:

- работать в команде Горбачева;
- войти в оппозиционное движение (условно – «демократов»);
- войти в команду, состоявшую из лидеров КПСС и советского государства (условно – «союзники», команда ГКЧП).

Павлов шел по логике: из команды Горбачева в команду «союзников», команду ГКЧП.

Почему он это сделал? Я не раз думал об этом – и тогда, и потом. Попробую представить итог моих размышлений.

Я в принципе не допускаю и мысли, что на Валентина Сергеевича могли влиять соображения, связанные с «кремлевской столовой» или чем-то подобным – автомобилем или дачей. Значит, дело в чем-то гораздо более принципиальном.

Валентин Сергеевич не мог не видеть уровня лидеров ГКЧП. Но Валентин Сергеевич не смог объединиться с теми, кого потом стали называть демократами. Конечно, он понимал, что без напора с их стороны не начать масштабные реформы. Я сам обязан своим избранием в народные депутаты во многом именно Валентину Сергеевичу, возглавлявшему тогда Всесоюзное экономическое общество, которое меня выдвинуло в депутаты.

А он выбрал союз с очевидно бесперспективными людьми. Почему?

Думаю, что сыграли роль следующие причины.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Первая – очевидное для него «сползание» Горбачева к чему-то вроде борьбы за самосохранение. Для президента СССР самосохранение предполагало сохранение какой-то альтернативы СССР. И команда Горбачева занялась новым союзным договором. А Павлова интересовали реформы.

План реформ у В.С. Павлова был. Это был план нормальных, поэтапных преобразований. Это был план не на одну пятилетку. Павлов знал, какую громаду надо реформировать. Знал, насколько далека эта громада от рыночной постиндустриальной системы. Он был готов к этой работе.

Вторая – занимая свой пост, Павлов сознавал масштаб своей ответственности и знал, что его долг – оставаться «в команде».

Думаю, что он считал (впрочем, и я так считаю), что «команда» действует с согласия Горбачева – явного или молчаливого. Мне кажется, что именно из-за этого Павлов потом все годы называл Горбачева предателем. Павлов не мог считать Горбачева предателем из-за каких-то там разборок в КПСС. Видимо, входя в ГКЧП, Павлов знал (или ему сказали) о какой-то договоренности с Горбачевым.

Третья причина – полная неприемлемость для Павлова того экономического курса, к которому склонялся Ельцин. Все эти «500 дней» и тем более «шоковые терапии» не мог принять человек, знающий, что такое экономика СССР и что нужны годы и годы для ее преобразований.

Четвертая причина – явное тяготение противостоящих ГКЧП сил к распаду СССР. Тут Павлов и как профессионал, и как державник не мог не сопротивляться. Для него конец СССР был концом и всего его плана реформ.

К сожалению, видимо, была еще одна причина – усиливающаяся **болезнь** Павлова. Валентин Сергеевич был болен традиционной болезнью многих талантливых людей России – он употреблял все больше нашего национального лекарства. К Валентину Сергеевичу полностью относятся слова другой жертвы этой же болезни – Владимира Высоцкого: «Мы дети страшных лет России. Безвременье вливало водку в нас».

...Опять припоминаю благодарно...»

Лидеры ГКЧП продемонстрировали главную черту выродившегося руководства КПСС – неспособность к активной и конструктивной работе. Вступить – как лидеры Китая – на путь реформ они не смогли. Подавить для обеспечения развития реформ по плану КПСС радикальное крыло реформаторского движения (как сделало руководство КПК на Тяньаньмыне) они тоже не решились. Павлов им понадобился только для придания солидности «списку» членов ГКЧП. Не более. С ним ни о чем не советовались, и он чуть ли не на второй же день попал в больницу. Ну а затем – «Матроскую тишину».

В.С. Павлов стал участником трех взаимосвязанных трагедий.

Первая – личная. Трагедия реформатора, который занял пост, необходимый для организации реформ, но в условиях, когда уже не было возможности проводить эти реформы так, как он считал нужным.

Но трагедия Павлова отражала не только его личную трагедию, но и трагедию всего номенклатурного руководства СССР.

Оно не смогло – в отличие от номенклатуры Китая – организовать и возглавить выход страны из государственного социализма на пути постепенного перехода к постиндустриальному строю, соответственно, преобразования коммунистической номенклатуры в номенклатуру и в собственников постиндустриального общества.

Советская коммунистическая номенклатура раскололась – из нее выделилась часть, готовая на реформы. Но готовность к реформам еще не гарантировала, что это лучшая и профессионально наиболее опытная часть советской бюрократии. Напротив, в состав реформаторской части попали относительно наиболее слабые представители советской номенклатуры, прежде всего республиканские и региональные деятели, менее знающие и менее опытные, чем те, кто работал в центре. Зато амбиции этих лидеров вполне соответствовали масштабу их незнания и несостоятельности.

Неспособность правящего класса СССР возглавить реформы – величайшая трагедия нашей страны, сопоставимая только

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

с неспособностью и Николая II, и русской буржуазии осуществить буржуазные преобразования в России в начале XX века. Той удачи, которой для России были цари Алексей Михайлович, Петр I и Екатерина II, которой для России был Александр II, мы оказались лишены. В период реформ страна и народ остались без своего опытного аппарата, без своей бюрократии. Стадо осталось без пастухов.

Закономерным следствием стала **третья трагедия – трагедия народа.**

За годы революции 1989–1991 годов страна, опьяненная свободой, вообразила, что есть все условия для быстрого, успешного и безболезненного перехода к лучшему будущему.

И русские регионы СССР решили, что России легче будет вести реформы, если другие республики отойдут от нее и станут независимыми.

Уместно вспомнить оценку нашего великого историка Василия Осиповича Ключевского лидеров после Смутного времени: «Россию выводили из Смутного времени более чем скромные люди». «Скромные» – это не о характерах, а об уровне знаний, воли, интеллекта.

Вот и теперь во главе России оказались или самоуверенные недоучки, или некомпетентные либо корыстно настроенные лидеры, или властолюбцы, обладающие избытком амбиций, но лишённые нужного арсенала знаний – прежде всего лишённые концепции реформ, воплощающей и отражающей специфический путь России от государственно-бюрократического социализма к постиндустриальному обществу.

Павлов, выйдя из тюрьмы, должен был снова делать выбор.

Мне понятно его состояние, так как сразу после путча я тоже понял, что к моему народно-демократическому варианту реформ и к моему варианту реорганизации СССР не готов ни Ельцин, ни утверждающийся у власти новой России союз реформаторски настроенной части бывшей коммунистической номенклатуры и новых собственников олигархического типа. Мне ничего не оставалось, как уходить.

...Опять припоминаю благодарно...»

Павлов был умным человеком. Он не мог не видеть, что его личная трагедия – неизбежная часть трагедии и правящей номенклатуры, и трагедии всего народа.

После выхода из «Матроской тишины» он не увидел в России политических сил, с которыми мог бы связать свою судьбу.

Идти в чистый бизнес этот державный человек тоже не хотел.

У меня после отставки было Российское движение демократических реформ, которое попыталось возглавить демократическую альтернативу Ельцину. У меня был Международный университет. Был Международный Союз экономистов и формирующееся Вольное экономическое общество.

А у Валентина Сергеевича? С клеймом «члена ГКЧП» он мог сотрудничать только с теми, кто его не устраивал. Оставался наш Союз экономистов. Мы все ни минуты не колеблясь одобрили возвращение в Союз экономистов нашего бывшего председателя. И дело не только в чувстве личной благодарности. Мы хотели с самого начала формировать союз **всех** экономистов, **профессиональную** организацию. И возвращение Павлова было первым шагом на этом пути. И в МСЭ, и в ВЭО Павлов работал максимально плодотворно – до самой смерти.

Павлов входит в длинный список талантливых людей, не вписавшихся в новую эпоху. А новая эпоха, отбросившая значительную часть советского интеллектуального и в том числе кадрового наследия, оказалась обреченной на все то, что мы наблюдаем с 1991 года и по настоящий день.

Длинный список тех, кто мог бы обеспечить России лучший, чем сейчас, переход от социалистического прошлого к постиндустриальному будущему, пополнился именем выдающегося сына нашего народа.

2005 г.

Степан Арамаисович СИТАРЯН

Писать о близком тебе долгие годы человеку трудно. С одной стороны, так много хочется сказать и есть что сказать. А с другой – важно попытаться уйти именно от личного и выделить нечто объективное, характеризующее времена и эпоху.

Подбирая главную, обобщающую характеристику Степана Арамаисовича, я остановился на понятии «**внутренний эмигрант**».

Если мне память не изменяет, этим словом когда-то, в советские времена, заклеили Бориса Пастернака. После того как он в обстановке травли отказался выехать из СССР для получения Нобелевской премии.

Со Степаном Арамаисовичем все произошло иначе. Его не травлили. Он *сам сделался* внутренним эмигрантом в родной стране.

Той самой, которой он целиком посвятил всю свою жизнь. Защитил диссертации кандидата и доктора. Был избран сначала членом-корреспондентом, а потом академиком. Возглавлял головной исследовательский институт по проблемам финансов. Занимал руководящие посты в Министерстве финансов, Госплане и Совете Министров СССР.

Степан Арамаисович был среди тех, кто хорошо сознавал всю сложность складывавшейся в советской экономике ситуации. Он видел и трудности, и проблемы и – что очень важно – искал пути решения проблем и тем самым – пути преодоления трудностей. Он выступал против консерваторов из КПСС, удовлетворенных и развитием страны, и своим привилегированным положением в ней. Он настаивал на радикальных переменах.

Ситарян в поисках улучшений ориентировался на увеличение роли рыночных отношений. Еще при Ю.В. Андропове он начал работать над законом о кооперации. Если кооперативное движение стало одним из наиболее «рыночных» изменений в советской экономике, то в этом несомненная заслуга Ситаряна: и как ученого, и как хозяйственного руководителя.

Но усилия сторонников перемен или давали временный эффект, или только «латали дыры», или слегка колебали твердыни бюрократического социализма. Командно-административная система с огромным искусством «высасывала» из таких деятелей как Ситарян только то, что ей подходило, и *отбрасывала* все мало-мальски радикальное. Тем самым советский строй **отправлял ученых и хозяйственников типа Ситаряна во внутреннюю эмиграцию**. И какие бы высокие посты – в науке или государственной машине – ни занимал Ситарян, для партийного аппарата он оставался *чужим*.

Казалось бы, ситуация изменилась с началом перестройки. Официально взят курс на обновление социализма. Можно покинуть внутреннюю эмиграцию и «запрячься» в качестве «коренника».

Но именно теперь, когда руководство КПСС начало, наконец, так давно ожидаемую радикальную перестройку, Ситарян опять оказался не «в седле». Почему?

Все дело в том, что человек таких высоких профессиональных знаний и такого огромного опыта, как Ситарян, увидел – и увидел гораздо раньше многих – что ни избранная М.С. Горбачевым концепция перестройки, ни сам М.С. Горбачев недостаточны для подлинной перестройки.

М.С. Горбачев акцентировал свою концепцию перестройки на двух генеральных началах.

Во-первых, все преобразования должны идти *в рамках социалистического идеала*, социалистической перспективы, как обновление социализма, на основе нового, но по-прежнему именно социалистического мышления. А мир, человечество переходили не к новому социализму, а к новому строю – постиндустриальному.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Социалистический подход М.С. Горбачева к перестройке позволял разрушать командно-административный социализм, но мешал – и с каждым годом все больше – созидательному строительству нового. Страна погружалась в трясину кризиса.

Участовать в *такой* перестройке С.А. Ситарян не хотел и не мог.

Во-вторых, как вождь, как лидер Михаил Сергеевич не вполне отвечал тем требованиям, которые предъявляла эпоха коренных перемен. Горбачев был велик, поднявшись до решения изменить тот социализм, который сделал его первым лицом страны. Но Горбачев не мыслил себе развития, при котором ему пришлось бы на каком-то этапе уйти с капитанского мостика. А личный уход – как следствие решения самого Горбачева о перестройке – скорее всего был бы неизбежен. Во всяком случае его нельзя было исключать – хотя бы теоретически.

Горбачев по своей главной лидерской черте является природным центристом, сторонником и мастером компромисса. Вождь такого типа не мог не оказаться в тупике, когда развитие его же перестройки потребовало крайних решений, решительных мер, готовности идти ва-банк.

Человек такого знания людей, как Степан Арамаисович, не мог не увидеть, что с такой «сверхзадачей» – *остаться обязательно лидером* – Горбачев не готов к действительно радикальным переменам.

И на несколько – подчеркиваю: **несколько** – предложений Михаила Сергеевича Ситаряну занять важнейший пост помощника Генерального Секретаря ЦК КПСС Степан Арамаисович неизменно отвечал отказом.

И оба были по-своему глубоко логичны. Горбачев понимал, насколько ему нужен такой профессиональный экономист и финансист, как Ситарян, а Ситарян понимал, насколько для него неприемлемы и сама горбачевская концепция перестройки, и сам Горбачев как ее лидер.

Но и к *антикоммунистическому демократическому движению* С.А. Ситарян тоже не мог присоединиться. Степан Арамаисович видел, что противники Горбачева, объединившиеся

...Опять припоминаю благодарно...»

вокруг Межрегиональной депутатской группы и «Демократической России», вполне готовы разрушать отжившую систему. Но ничего конструктивного не предлагают, кроме лозунга «Устранить КПСС от власти». Для профессионала уровня Ситаряна такая позиция была недостаточна. Для него вопрос, а что будет дальше, не мог не быть главным.

Итак, *ни со старой системой, ни с перестройкой, ни с демократическим движением* Степан Армаисович идти не смог. В итоге – **внутренняя эмиграция Ситаряна в СССР эпохи перестройки.**

Ну а после августа 1991 года, после развала СССР и появления новой России, С.А. Ситарян не мог принять тот шоковый вариант реформ, который был навязан стране.

Профессиональный современный финансист не мог не видеть реальных резервов современного монетаризма. Но он не мог не видеть и не менее реальных его органичителей, внутренней противоречивости и в целом той в конечном счете тупиковости финансового неомонетаризма, которая привела в 2008 году к всемирному кризису.

Превосходный знаток советской экономики не мог не видеть, насколько эта насквозь милитаризованная и насквозь монополизированная система далека от того, чтобы на ее базе появился хоть какой-нибудь реальный, тем более современный рынок. Переход такой экономики к подлинному рынку требовал целенаправленных постепенных усилий в течение как минимум десятка лет.

Ни к чему подобному новое российское руководство не было готово. Да и «доброжелатели» с Запада, мечтавшие о крахе советского военно-промышленного комплекса, настаивали на шоке. *С.А. Ситарян не был готов работать при такой, послегорбачевской, концепции преобразований.*

Степан Армаисович не смог найти себя не только в новом российском государстве, но и в новой российской экономике. То, что представлял из себя так называемый российский бизнес, не подходило ему.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Ни по способам создания собственности, включающим в себя ваучерную приватизацию, финансовые пирамиды, залоговые аукционы и т.п..

Ни по способам хозяйствования, главными среди которых при формальном рынке стали хождения по кабинетам министров и чиновников, депутатов, правоохранителей и т.д.

Ни по способам использования полученных доходов: на разного рода тусовки, конкурсы красоты, поездки в Давос и прочие зланные места «сладкой» жизни. Ведь поставь он перед собой примитивную задачу личного обогащения, он бы давно ее решил еще в советские времена с их безграничными возможностями для цеховиков, теневиков и т.п.

В итоге ни в новом руководстве, ни в новом российском хозяйствовании Ситарян места не нашел. Так началась **внутренняя эмиграция С.А. Ситаряна уже в новой России**.

Это была личная трагедия Ситаряна. Оказаться не у дел в полном расцвете сил и именно тогда, когда страна больше всего нуждалась в таких деятелях и ученых, как он.

И его мало утешало, что совершенно аналогичная трагедия произошла со значительным слоем других выдающихся ученых экономистов – Л.И. Абалкиным, Т.И. Заславской, Д.С. Львовым, Н.Я. Петраковым, С.С. Шаталиным, Н.П. Шмелевым. Список можно продолжать.

Его мало утешало, что аналогичная трагедия произошла и со многими талантливыми капитанами советской экономики: Рыжковым, Колпаковым, Щербиной, Щербаковым, Щадовым, Гвишиани, Кацурой – и тут список можно продолжать и продолжать.

Все они – и ученые-экономисты, и опытные хозяйственники – оказались в роли внутренних эмигрантов в родной стране.

В многовековую историю русской эмиграции, начавшуюся еще чуть ли не с Андрея Курбского, заполненную именами Герцена и Ленина, деятелями первой и второй волн эмиграции в советские времена, включившую потом Солженицына, Ростроповича, Бродского, внутренняя эмиграция периода перестройки

и номенклатурно-олигархического выхода из социализма вписала свою страницу. Когда-нибудь масштаб и значение этой внутренней эмиграции будут оценены.

Но была страна, в которой к мнению и позиции Ситаряна относились с настоящим вниманием. Это была Китайская Народная Республика, в которую он не раз ездил и в которой провел не один месяц. Можно предположить, что избери КПСС китайский вариант выхода из социализма, когда этим выходом руководит сама осознавшая его необходимость Коммунистическая партия и дальновидная часть ее руководства, ее номенклатуры и ее бюрократии, тогда и Ситарян, и все другие внутренние эмигранты СССР и России стали бы серьезной, мощной опорой перемен.

Но трагедия верхушки КПСС и ее номенклатуры состояла в том, что они принципиально отличалась от тех, которые были в Китае. Дэн Сяопин и другие авторы китайского варианта выхода из социализма были *детьми великой революции*. Свои посты они получали не в ходе карьеры, а в огне революции, под пулями, рискуя ежедневно и ежечасно жизнью. Социализм Китая *они утверждали сами и не молились на него* как на «священную корову» или неприкосновенную икону. Неудивительно, что из такой революционной школы могли выйти – и вышли – лидеры, способные изменить не оправдавшую их надежд модель устройства родной страны.

А в советской элите люди, подобные С.А. Ситаряну, никогда не работавшие ни в партийном аппарате, ни в военно-промышленном комплексе, ни в органах безопасности или на дипломатической службе, не пропитанные их соками и готовые поэтому к глубоким изменениям, были исключениями. Они оказались «вне игры», организованной в основном по правилам подковерной карьерной и клановой борьбы постсоветской бюрократии.

Для страны внутренняя эмиграция значительной и – чего греха таить – лучшей части элиты *оказалась глубочайшей трагедией*. Последствия ее мы испытываем до сих пор.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Конечно, С.А. Ситарян не сломался, не запил, не ушел в дачное огородничество или ловлю рыбы. Тем более он никогда не думал о превращении внутренней эмиграции во внешнюю, хотя ему нашлось бы место в лучших университетах мира и в лучших научных центрах.

С.А. Ситарян продолжал работать в той части экономической науки, которая оказалась вне Кремлевской стены и вне коридоров Белого дома. Он активно включился в работу Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов. Возглавил и до последних дней жизни руководил Международной Академией менеджмента, по существу сформировал эту организацию.

Он знал, что стране рано или поздно понадобятся и экономические разработки, и ученые-экономисты, и хозяйственники-менеджеры. Что надо сохранять и развивать независимую экономическую науку и заблаговременно готовить теоретические заделы.

Эмигрировавший из официального СССР и из официальной России академик Степан Арамаисович Ситарян эмигрировал в будущее, и поэтому остался настоящим сыном и своей страны, и своего народа, и своей экономической науки.

2010 г.

Тигран Сергеевич ХАЧАТУРОВ

Тигран Сергеевич Хачатуров меньше месяца не дожил до восьмидесяти трех лет.

О научной работе Тиграна Сергеевича убедительно говорят более 600 его книг и статей – целая библиотека, многое переведено в разных странах мира. Четыре «раздела» в этой библиотеке: экономика транспорта, капитальные вложения и их эффективность, экономика СССР, экономическая экология.

Научная и педагогическая карьера Тиграна Сергеевича также была успешной. Доктор и профессор в 34 года, член-корреспондент Академии наук СССР в 37 лет. С 1966 г. – академик. В 1967–1971 гг. – академик – секретарь Отделения экономики, в последние годы – заведующий кафедрой в Московском университете имени М.В. Ломоносова. Председатель Всесоюзного экономического общества с момента его воссоздания до 1988 г., председатель и член многих советов, комитетов, комиссий. 22 года (1966–1988) был бессменным главным редактором журнала «Вопросы экономики».

Но мне хочется сказать о том, что было присуще именно Тиграну Сергеевичу как человеку, – разумеется, в моих представлениях.

Прежде всего это был **великий труженик** – до последних минут жизни. Работа была для него жизнью, а жизнь – работой.

Я вообще постоянно отмечаю эту черту как преобладающую у армян из различных общин, разбросанных бурными событиями по всему миру. А Тигран Сергеевич происходил из одной из самых известных армянских общин – московской,

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

давшей России целую плеяду видных деятелей. Видимо, не только талант и другие достоинства, но и исключительное трудолюбие помогало армянам закрепиться на новых местах, завоевать уважение другого народа, найти пути сотрудничества с ним. Но даже среди армян Тигран Сергеевич был по трудолюбию поистине выдающимся. Он работал в манере ученого-экономиста XIX века: сам читал, сам считал, сам писал. В журнале «Вопросы экономики» он лично прочитывал почти все предлагавшиеся к обсуждению материалы.

Другая черта Тиграна Сергеевича – **образованность**, тоже во многом, к сожалению, утраченная в наше время (зачастую не по вине самих экономистов). Тигран Сергеевич учился в знаменитом Лазаревском училище, знал несколько иностранных языков. И это знание было для него личным научным инструментом. Он постоянно читал зарубежную литературу, ездил во многие страны мира. И в этих поездках он тоже постоянно работал, прежде всего благодаря знанию языков... Тигран Сергеевич окончил Московский университет в те годы, когда университет хотя и был ослаблен первой, послереволюционной волной эмиграции, но в нем процветал научный плюрализм, кипели острые дискуссии.

И все же, если говорить о главном, что было характерным для академика Хачатурова, – это особого рода **«самостояние»**, даже, можно сказать, какая-то отстраненность от текущей жизни и от окружающих. Речь идет не о внешней стороне дела – если говорить о ней, то Тигран Сергеевич был знаком со многими людьми, открыт и доступен, участвовал в публичных дискуссиях и дружеских встречах. А вот ощущение какой-то «дистанции» всегда было.

Не знаю, была ли это естественная черта характера или она выработалась в те бурные и нелегкие годы, в которые довелось Тиграну Сергеевичу жить. Не исключено, что именно эта черта помогла ему сохраниться – и как ученому, и просто как человеку. Но именно на примере Тиграна Сергеевича и очень похожих на него некоторых других ученых я видел, что в самых неверо-

...Опять припоминаю благодарно...»

ятных условиях человек может сохранить себя не только физически, но и работая в любимой сфере, даже делая успешную научную карьеру, не активничая в разного рода кампаниях, не участвуя – или сводя участие к неизбежному минимуму – в многочисленных безобразиях своей эпохи. При этом меня поражало, как этим людям удавалось сохранить именно порядочность. Грань у них проходила не по уровню «уцелеть», а значительно выше – по линии сохранить возможность заниматься наукой, преподавать и – более того – руководить наукой: кафедрами, институтами, журналами, советами. Это не освобождает их от ответственности за свою эпоху. Но надо помнить, что именно эти порой сгибавшиеся под ветрами до земли, но так и не сломленные, не потерявшие себя люди были для нас, молодых, той опорой, которая помогала и нам становиться на ноги. Как это ни парадоксально, но именно такие учителя в силу своей близости к нам в значительно большей степени влияли на нас, чем те, кто шел в лагеря или уезжал за границу. Роль этого слоя интеллигенции еще предстоит осмыслить. В чем-то для меня Тигран Сергеевич ассоциируется с тем типом ученых, которых называют зубрами, используя образ, созданный Даниилом Граниным.

Но неизбежной платой за такую «самостоятельность» были два следствия.

Первое касалось именно научной карьеры Тиграна Сергеевича. Как ни странно, но в эпоху культа личности и всеобщего восхваления вождя Хачатуров с его педантичностью, добросовестностью, работоспособностью вполне вписывался в схему научной жизни. А вот во времена брежневского торможения, когда вместо абстрактной преданности вождю потребовалась личная связь с вполне конкретными «боссами», Тигран Сергеевич уже оказался не у дел. В спокойном мире личных услуг и обязательств ему было неизмеримо труднее, чем в эпоху террора. Парадоксальный, но очень характерный факт.

И второе следствие. Именно самостоятельность Хачатурова – все то, что помогало ему в годы культа – стала преградой

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

в эпоху, когда в науке сложились школы, а зачастую кланы и когда исход научного спора решала «группа», ее сплоченность и активность. К этому типу научного сообщества Хачатуров никак не мог приспособиться.

Я специально хотел поразмышлять не о научных результатах деятельности Тиграна Сергеевича, а его личности, так как неординарный человек оставляет нам немало уроков во всех областях. А Тигран Сергеевич был именно неординарным!

2006 г.

Геннадий Алексеевич ЯГОДИН

Семидесятилетие Геннадия Алексеевича Ягодина и выпуск этого юбилейного сборника дают удачный повод для изложения давно взволновавших меня соображений.

Когда-то М.А. Шолохов написал прекрасный рассказ – «Судьба человека». Как и везде в творчестве Шолохова, в этом рассказе есть другой, не отраженный в тексте, но не менее важный план. Судьба героя – Соколова – очень характерна. Шолохов показывает нам, что представлял из себя тот основной слой народа, который партийной бюрократии удалось «оседлать». Честные, смелые, трудолюбивые, преданные родной земле. Но одновременно – политически неразвитые: ни одной мысли о том, почему мы втянуты в войну, почему к ней не готовы и т.д. Государственный строй Соколов воспринимает как нечто данное. Он его принимает как дождь или снег... О многом заставляет задуматься рассказ о судьбе Соколова.

Но в стране были и другие судьбы. Одну из них описал А. Бек в книге «Новое назначение», а другую – Д. Гранин в книге «Зубр». Об этих двух книгах я писал.

Юбилей Геннадия Алексеевича позволяет поразмышлять еще об одной, очень типичной для его поколения, судьбе. В исходной точке – одаренный, талантливый человек. Талантливый во всем – и в учебе, и в науке. Одаренный для успешной организационной деятельности. Умелый в спорте. Умеющий понимать людей, взаимодействовать с ними и как итог – способный ими руководить.

Что ждало такого человека в системе государственного социализма? Разумеется карьера. Ведь другого способа расти,

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

кроме как двигаться вверх по пирамидам аппарата, в этом строе не было.

К тому времени, когда вступало в жизнь поколение Ягодина, бюрократия уже не нуждалась ни в учителях, ни во врачах, ни в обычных инженерах. Период заискивания и подкупа интеллигенции уже прошел. Более того, начались гонения на целые отряды интеллигенции – биологов, кибернетиков, генетиков, неформальных музыкантов и художников...

Но один отряд интеллигенции был все еще нужен власти – те, кто работал с атомным или химическим оружием, ракетами. Тут еще хорошо платили, хотя и помещали в типичные гетто в виде закрытых городов. Неудивительно, что перспектива учиться на эти престижные специальности привлекала одаренную молодежь. Когда кто-то удивляется, почему у нас много банкиров из физиков или химиков, я удивляюсь этому недоумению: а могло ли быть иначе в стране, где десятки лет десятки тысяч ребят, склонных к бизнесу, выбирали ядерную физику? И Геннадий Алексеевич сделал то, что делали лучшие из его поколения: выбрал одну из сфер ядерной индустрии.

Но и в школе, и в вузе молодого человека притягивала еще одна карьера – карьера в бюрократической машине власти, будь то комсомол, партия или другие сферы административной системы. И так как на первых порах успехи здесь были ощутимее, а работа с людьми – интереснее, то значительная часть «физиков» охотно и результативно работала в комсомоле. И здесь судьба Геннадия Алексеевича типична для лучших из его поколения. Он был и комсомольским активистом, и комсомольским вожаком.

А вот дальше наступил «момент истины». Для всякого умного человека рано или поздно становилось ясно, что рассчитывать на карьеру в системах власти мало реально. Не потому, что ты не сможешь хорошо работать. Напротив, есть все основания полагать, что ты сумеешь работать лучше, чем многие из нынешних руководителей аппарата. Но, во-первых, никакой устойчивой системы роста нет. В армии – есть (по крайней мере внизу

...Опять припоминаю благодарно...»

достаточно выслуги лет и учебы для повышений). В науке есть – защиты диссертаций. А вот в партии и государстве все зависит от начальства, т.е. от произвола. Доброго или плохого, но произвола. Кому-то из обоймы «везет», большинству – нет. Тем более, если наверху нет ни «руки», ни «связей». А во-вторых, аппарат верхним чутьем улавливает одаренность и нестандартность и отсеивает, отсекает таких с железной логикой. Аппарат делал ставку не на «выделяемость», а как раз на «усредненность», готовность быть одним из патронов одной из обойм. Надо было быть очень хитрым, чтобы тебя принимали за «среднего», то есть за «своего».

И опять-таки, Геннадий Алексеевич весьма типичен. Как бы удачно ни складывалась комсомольская карьера, анализ перспектив был отнюдь не безоблачен. Пришлось вспомнить и о своей специальности, и о своих успехах в учебе и науке. Решение было понятным: надо работать там, где еще ценят способности и где есть место для того, чтобы проявить индивидуальность.

Дальнейшее уже вопрос времени – защиты диссертаций и т.д. Логично и выдвижение на административные посты в вузе или научном институте.

Если бы страна продолжала жить по законам эпохи Брежнева, то Геннадий Алексеевич так бы и остался одним из завкафедр, одним из деканов или, максимум, одним из ректоров.

К счастью, в стране начались перемены. Руководство страны решилось на реформы, и кадры типа Ягодина больше всего подходили для нового курса. Я помню, как начинал Геннадий Алексеевич в качестве министра. Я входил в одну из созданных им рабочих групп и впервые почувствовал, что мое мнение о высшем образовании кого-то интересует.

Если бы страной руководили лидеры типа китайских, то руководители круга Ягодина были бы для них лучшей опорой и лучшими организаторами реформ. Но в нашей стране уже давно не было таких закаленных в подпольях и войнах кадров, «самовыдвиженцев», «селфмейкеров». У нас наверху сидели люди,

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

всю жизнь кем-то «назначаемые». Назначенные не по критериям той или иной мясорубки, будь то войны или чистки, а назначенные по критериям аппарата. И из этого худшего подвида назначенцев и состояло руководство страны.

Неудивительно, что «двоевластие» долго не могло продолжаться. Или «обновленцы» должны были наступать, или в наступление перейдет аппарат. Первым «выбили» Ельцина. А затем подошел черед и других. Среди других был и Г.А. Ягодин. Я помню ожесточенную травлю министра. Уцелел он временно, и то благодаря уже усилившейся в стране оппозиции.

Китайский путь, путь реформ «сверху», реформ «от имени партии» отпал, а с ним отпадала и потребность в лидерах-реформаторах из верхнего слоя государства.

Август 1991 года все довершил. Консерваторы из КПСС потерпели поражение, но сумели утопить вместе со всем кораблем и вместе с собой и все то ценное, что на нем было. По древнеанглийскому принципу «вместе пойман – вместе повешен» с путчистами ушли десятки способнейший администраторов. И здесь судьба Геннадия Алексеевича типична. Ушел вместе со всем правительством СССР.

Новая российская власть формировалась в условиях и по принципам, далеким от интересов страны, хотя по-своему вполне логичным для новой, но слабой бюрократии. Наличие компетентных, знающих администраторов никак не вписывалось в курс «всеобщего шока». Нужны ли люди, которые умеют уменьшить шок, если командуют те, кому выгодно его стимулировать?

Геннадий Алексеевич к такому «двору» прийтись не мог. Впрочем, не только он. Даже участвовавший во всех митингах ректор МАИ Рыжов быстро понял, что и он «не ко двору», и уехал послом. Я тоже ушел с поста мэра.

Была, конечно, возможность и другого курса реформ. При ней возникла бы еще более острая, чем при Горбачеве, потребность в реформаторски мыслящих специалистах-администраторах. Но

...Опять припоминаю благодарно...»

возможность такого курса не была реализована. И Геннадию Алексеевичу, опять-таки, как многим руководителям, осталось одно – вернуться к основной профессии. И это возвращение оказалось очень нужным стране.

Во-первых, именно на тех участках, где трудятся «бывшие», достигались вполне хорошие результаты. Если, конечно, исключить область финансовых комбинаций, оказавшуюся заповедным угольем для «новых русских».

Во-вторых, именно эти участки оказались теми «поплавками», которые удерживали от опускания на дно заводы, вузы, театры, газеты, целые города и регионы.

И опять-таки Геннадий Алексеевич типичен. Он руководил университетом, быстро превратившимся в престижный и авторитетный и в стране, и за рубежом. Этот университет вносит вклад в решение одной из главных задач страны – становление эффективного по мировым стандартам российского предпринимательства, в подготовку будущих капитанов российского бизнеса.

Конечно, по своему таланту Геннадий Алексеевич мог сделать больше. К сожалению, волею судеб и истории его потенциал не был реализован лучшим образом. Но и то, что он сделал и делает, блестяще. И мы, и он имеем все основания встретить его юбилей с чувством глубокого удовлетворения.

1998 г.

Лев Яковлевич БЕРРИ

Мои воспоминания о Льве Яковлевиче Берри не являются ни его биографией, ни анализом его теоретического научного наследия. Через призму нашего знакомства я хотел бы на примерах рассказать о том, кем был и остается для меня этот выдающийся человек.

Конечно, было бы правильнее, если бы о нем написали гораздо более близкие к нему Саша Анчишкин или Стасик Шаталин. Но эти дорогие мне замечательные люди безвременно покинули нас.

Поэтому написать о Льве Яковлевиче – это мой долг не только перед ним, но и перед этими моими друзьями.

1. О моих университетах

Защитив почти за год до окончания аспирантуры кандидатскую диссертацию, я был оставлен работать на экономическом факультете Московского университета – прежде всего благодаря усилиям ректора И.Г. Петровского, М.В. Солодкова и В.Н. Ягодкина (они в это время «менялись» постами: секретаря парткома МГУ и декана экфака).

Я уже окончательно определил свое будущее – ученый и профессор. Естественно, что лучшего места, чем МГУ, при таком выборе для меня не было.

Я знал, что у меня достаточно знаний. Уже был и определенный задел: я опубликовал свою первую книгу, несколько лет аспирантуры, вел занятия со студентами и вечернего, и дневного отделения.

...Опять припоминаю благодарно...»

Но в то же время я хорошо сознавал, к счастью, чего мне недостает. Если говорить обобщенно, у меня не было многого, чтобы считать себя интеллигентом в том смысле, как я себе представлял его социальную роль.

Хотя родители мои были преподавателями вуза, имели ученые степени и звания, они были типичными **советскими интеллигентами**. Советская интеллигенция – это те выходцы из рабочих и крестьян, которые приобрели нужные интеллигенту знания и навыки, а вот их быт, вся их повседневная жизнь была определена их происхождением, их детством. Особенно остро это ощущалось у тех, кто работал и жил – как мои родители – в провинции. Когда я поступил учиться в МГУ, то на занятиях я чувствовал себя уверенно. Но выйдя в коридор на перемену, я зачастую не мог даже понять, о чем же беседуют мои сокурсницы и сокурсники. Так далеки были от меня новости театра, современная музыка, события на стадионах, выставки и концерты каких-то «звезд».

Университет был для меня прежде всего местом учебы.

Помимо этого, первого университета, я одновременно заканчивал еще несколько.

Это комсомол, в котором я быстро стал одним из руководителей университетской организации в 20 тысяч человек. В комсомоле я прошел три главные школы организатора и руководителя: умение работать с очень разными личностями (а личности в МГУ были еще те...), умение вести «малую группу» и умение организовывать большие коллективы. Целина и фестиваль были гигантскими мероприятиями, и я мог увидеть грандиозные механизмы взаимодействия административных и общественных органов всех видов и на всех уровнях. Кроме того, это были годы XX съезда, и я прошел школу острой политической борьбы – в МГУ все было почти так же, как во взбунтовавшейся Венгрии. В общем, школа комсомола была настоящей школой.

Университетом стало для меня общение с другими студентами и особенно жизнь в общежитии. В МГУ собрались, во-первых, самые талантливые молодые люди. Во-вторых, в обще-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

житии совместно жили и физики, и журналисты, и геологи, и археологи. Общение со столь разными ребятами было огромной школой.

Университетом стали для меня студенты-иностранцы и их землячества. В моей группе из 30 студентов было три китайца, венгр, два немца. Но еще я был секретарем Комитета ВЛКСМ университета по работе с иностранными студентами и аспирантами. Я имел допуск к закрытым источникам информации, получал указания от кураторов иностранцев в ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, сообществах дружбы и т.д. – вплоть до органов безопасности.

Многое мне рассказывали сами руководители землячеств. Соседом в общежитии у меня всегда был кто-то из иностранцев: араб, суданец, китаец. В общем, ситуацию в соцлагере и мире я начал изучать рано и знал ее, так сказать, из первых рук.

И несмотря на все это мне не хватало – и я отчетливо это понимал – еще одного университета. В котором я стал бы интеллигентом в том смысле, который вкладывали десятки лет в России в понятие «интеллигент». А мое будущее, о котором я мечтал, без этого не просматривалось.

Этот университет мне надо было пройти теперь. И главным учителем в этом моем пятом университете стал Лев Яковлевич Берри.

2. На кафедре Л.Я. Берри

Естественно, что после аспирантуры я хотел остаться на своей кафедре бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности. Здесь работал руководитель моих курсовых и дипломной работ профессор Иван Алексеевич Ламькин. Возглавлял кафедру научный руководитель моей кандидатской диссертации профессор Сергей Кузьмич Татур. Единственный беспартийный завкафедрой на нашем факультете. Впрочем, членом партии он когда-то был – входил в ЦК партии эсеров.

Но руководство факультета считало, что увеличивать штат нашей кафедры невозможно: кафедра учета и анализа была небольшая, так как курсы учета и анализа в учебном плане были

...Опять припоминаю благодарно...»

невелики. Да и на кафедре уже был молодой, талантливый, энергичный, политически активный доцент – Анатолий Данилович Шеремет. «Дублера» ему не требовалось – ни в учебной деятельности, ни в работе со студентами.

Другая кафедра, о которой я думал, – недавно созданная кафедра математических методов анализа экономики, которую возглавлял учитель моего отца академик Василий Сергеевич Немчинов.

Я подходил кафедре, так как тема моей диссертации была посвящена применению электронных машин в управлении экономикой.

Но на кафедре (в просторечии ее называли кафедрой экономической кибернетики) и без меня было более чем достаточно молодых сотрудников (собственно, других там и не было).

На факультете в это время расширялось прикладное направление. Традиционное серьезное теоретическое политэкономическое лицо факультета обогатилось новыми специальностями и новыми кафедрами: экономики труда, демографии и другими.

Среди них одной из главных должна была стать кафедра организации и планирования народного хозяйства. Хотя планирование считалось главным преимуществом социализма, кафедры такой на нашем факультете не было. Теперь ее создали и пригласили возглавить эту кафедру известного ученого, сотрудника института Госплана СССР Льва Яковлевича Берри, одного из первых лауреатов государственной премии СССР в области экономики (он входил в коллектив, разрабатывавший межотраслевой баланс советской экономики).

Л.Я. Берри нашел на факультете всего несколько преподавателей по планированию и должен был создавать кафедру из «чужаков». Он пригласил на кафедру ученых из Госплана, его институтов, экономических институтов Академии Наук СССР. Тем не менее в данный момент на кафедре были вакансии ассистентов. На одну из них руководство факультета решило зачислить меня.

Меня начальство знало и по комсомольской, и по партийной работе и рассчитывало, что я стану «глазами и ушами» руково-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

дства на этой кафедре. Было оно уверено и в том, что я буду «тянуть» целый воз различных организаторских поручений, типичных для кафедры тех лет: воскресники, демонстрации, конференции, уборка картофеля и т.д.

Выбора у меня не было – я согласился. К моему удивлению, сразу же согласился и Л.Я. Берри.

Лев Яковлевич был опытный человек и понимал, что меня руководство факультета направило к нему не только из-за наличия свободных штатов.

Я тогда и потом не раз размышлял, почему же Берри согласился с моей кандидатурой. Думаю, что повлияло несколько обстоятельств.

Во-первых, он прочел автореферат моей диссертации. Он сказал мне, что направление моих научных интересов легко будет сочетаться с профилем его кафедры.

Далее, он получил информацию обо мне от своих сотрудников по прежней работе – Саши Анчишкина и Стасика Шаталина. Эти два будущих академика учились со мной на факультете – на пару курсов раньше. А по комсомолу они были моими первыми кураторами от Комитета ВЛКСМ факультета как комсорга. Скорее всего, они дали мне хорошую характеристику.

И, наконец, сказался наш первый разговор. Я понимал, что с таким человеком, как Лев Яковлевич, темнить нельзя.

И я прямо сказал, что попал к нему случайно. Что курс буду читать по другой кафедре. Что хочу уйти туда при первой возможности.

Но работать я буду – как и везде – добросовестно, не жалея сил, до последнего часа пребывания на кафедре.

И еще я добавил, что мои оценки ситуации на кафедре я буду давать только в тех случаях, когда меня прямо об этом будут спрашивать. Инициатив от меня не будет. Но – честно сказал я – отказаться, если меня спросят в деканате или парткоме, я не смогу. Однако при этом сначала попрошу время подумать и за этот период найду способ рассказать ему как заведующему о своем предстоящем докладе.

Видимо, моя откровенность Льву Яковлевичу понравилась.

Я и на самом деле думал, что недолго пробуду на кафедре. Но все получилось по-иному.

Через год И.Г. Петровский и Д.М. Гвишиани сделали меня руководителем недавно созданной в МГУ для Гвишиани Межфакультетской лаборатории проблем управления.

Джермен Михайлович после того как его зять, Алексей Николаевич Косыгин, стал главой советского правительства, начал отвечать за международные связи СССР в научно-технической области (по линии Госкомитета по науке и техники СССР). Времени для лаборатории у него не оставалось. Я, конечно, с радостью согласился возглавить лабораторию. Но попросил «прикрепить» ее к экфаку, а в нем – к кафедре планирования.

И звание доцента я получил на этой кафедре. И докторскую диссертацию представил на эту кафедру. И получил от Льва Яковлевича согласие на защиту и всяческую помощь.

Студентке вечернего отделения, моей будущей жене, я посоветовал писать курсовые и диплом на этой кафедре. А потом – после пары лет работы – она поступила в аспирантуру кафедры и Лев Яковлевич руководил ее кандидатской диссертацией.

В общем, не год, а почти восемь лет я был сотрудником кафедры планирования. До создания в 1971 году кафедры управления, которую и возглавил.

Если и моя жизнь, и жизнь жены оказались на многие годы связаны с кафедрой планирования, то причина всего этого была одна – **сам Лев Яковлевич.**

3. Сближение

От природы я очень замкнутый. Интроверт, как говорят психологи.

Но длительное пребывание в переполненных палатах туберкулезных лечебниц, жизнь в общежитии, многодневные туристические походы, комсомольская работа выработали у меня способность и сходитьсь с самыми разными людьми, и жить с ними.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Конечно, у меня хорошие отношения и с родителями, и в собственной семье. Конечно, у меня есть друзья по учебе, общежитию, комсомолу, зарубежным поездкам. Есть те, с кем я участвовал в политической жизни.

Но, несмотря на все, в свой внутренний, личный мир я никого не впускал. Только спустя многие десятилетия, читая книги по парапсихологии, тонкому миру, параллельным мирам, «третьему глазу», я стал, наконец, лучше понимать причины моей замкнутости.

Единственное исключение – это Лев Яковлевич Берри. С момента нашего знакомства в 1964 году и до его смерти, почти десять лет, мы все больше и больше сближались.

Это не было сближением на почве совместной работы – я мало участвовал в работе кафедры.

Это не было и совместной научной работой – кроме учебника по планированию, я с Львом Яковлевичем ничего совместно не публиковал.

Не было и общей партийной или профсоюзной работы.

И тем не менее именно с ним я сблизился больше всего. **Ни до него, ни после него у меня не было столь близкого человека.**

Это была внутренняя близость. Она постепенно усиливалась, становилась все шире и глубже.

Особенно остро я все это ощущал потом, оставаясь один, в трудные периоды: работая деканом и в политической деятельности.

Оставшись без Льва Яковлевича и не находя ему даже приблизительно схожей замены, я много размышлял о том, что же нас сближало.

Думаю, что важную роль сыграло то, что мы не навязывались друг другу. Ничто извне нас тоже не принуждало. Все шло шаг за шагом, очень естественно. Позитивные итоги первых шагов становились базой следующих.

Важно было то, что все шло постепенно. Мы понемногу все больше узнавали друг о друге: о нашем прошлом, о родных, о семьях, о друзьях. Эти знания создавали базу для позитивных процессов.

Мы оба одинаково воспринимали то, что для каждого из нас неприемлемо.

С моей стороны главное было – как я уже писал выше – пройти все «классы» и все «курсы» Льва Яковлевича. Во всех областях. Я видел перед собой тот идеал, которому хотел бы по возможности соответствовать сам. И если мне представлялась возможность быть с Львом Яковлевичем, я отбрасывал все другие дела и отказывался от всего ради возможности общаться с ним.

Помню такой случай. Мы с ним отдыхали в каком-то пансионате. Там была одна молодая особа, весьма умная. Почему-то она оказалась на отдыхе одна и «положила глаз» на меня. Привыкшая к успеху у мужчин, она спустя несколько дней обнаружила, что весь ее испытанный арсенал воздействий не дает эффекта. Не выдержав, она раздраженно сказала мне: «Ты когда-нибудь в жизни бываешь один, сам по себе, без Льва Яковлевича? Нельзя же быть его тенью! Я не понимаю, как ты можешь – я узнала у него – быть профессором, иметь жену и детей при такой «приклеенности» к нему? У тебя ведь здесь нет ни одного вечера для себя!» Куда ей было понять, чем для меня был Лев Яковлевич и как я боялся не использовать даже один вечер общения с ним.

Началось все с наших совместных поездок в пансионаты под Москвой для работы над главами учебника по планированию. Это были госплановские дома отдыха: старое и новое Вороново, пансионат где-то возле Химок в Куркино, Клязьма.

Потом мы ездили в пансионаты под Туапсе, в Гурзуф, на Карпаты и т.д. И уже без текстов, просто для отдыха. Все устраивал Лев Яковлевич, используя свои связи и знакомства. Под частично верным, а частично придуманным предлогом: там нет одноместных номеров, в лучшем случае двухместные и ему не хочется жить с незнакомым соседом. Конечно, я платил за себя сам.

Как-то раз Д.И. Валентей достал нам номер в роскошной гостинице в Одессе для заезжих капитанов иностранных судов. Дмитрий Игнатьевич был человеком неординарным – когда-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

нибудь я (если успею) напишу и о нем. Он собрался в Одессу со своей очередной подружкой. А нас с Львом Яковлевичем бывший разведчик Дмитрий Игнатьевич пригласил для «прикрытия».

Мы его за все дни не видели. Но были очень довольны поездкой. Я в первый раз видел город, сыгравший такую роль в истории греков в России. А Лев Яковлевич был рад мне все показывать – от Дерибасовской до одесского привоза. Я буквально влюбился в Одессу. И в тех одесских профессорско-экономистов, с которыми меня познакомил Лев Яковлевич.

После смерти жены Льва Яковлевича я стал бывать у него и на квартире, где уже давно чувствовали себя как дома и Саша Анчишкин, и Стасик Шаталин. Познакомился с сыновьями Льва Яковлевича, его невестками, дочерью, внучкой и добрейшим существом – собакой эрдельтерьером. И еще – с семьей замечательного профессора математики Ефимова, женой которого была сестра Льва Яковлевича Роза Яковлевна. Это была еще одна школа для меня: семья и взаимодействие в ней.

Жену Льва Яковлевича я уже не застал. Она только что умерла после тяжелой болезни – рака. Лев Яковлевич делал все что мог – за какие-то большие деньги покупал у кого-то американское лекарство, чтобы хоть немного облегчить ей страдания.

И тут я получил еще один урок – из области личной жизни. Я узнал, что Лев Яковлевич влюбился в нее, когда она уже была беременной от своего прежнего жениха. И влюбил ее в себя. Она – уже с большим животом – ходила к нему на свиданья. В конце концов вышла замуж за Льва Яковлевича. Родила мальчика, которого он усыновил. И любил, и растил как родного. А потом сохранил добрые отношения и с ним, и с его первой женой, и со второй.

Жена родила Льву Яковлевичу их общего сына Бориса и дочь Танюшу. С Борисом я много лет поддерживаю отношения – и в Москве, и в Канаде, куда он уехал с женой Галей. Он доктор наук, специалист по ледникам и противник теории потепления Земли. Недавно журнал «Знание – сила» опубликовал его статью на эту тему.

Я не раз думал: зачем при такой большой и дружной семье Льву Яковлевичу нужен еще и я?

Думаю, влияло многое. Среди его семьи все были естественниками, поговорить на «близкие» темы и о «близких» ему идеях и людях с ними он не мог.

Далее, так получилось, что у Льва Яковлевича среди его учеников и последователей были и способные, и толковые люди, но близких по духу не оказалось. А я, видимо, подходил больше.

Сказывался и возраст – когда приближается 60, хочется с кем-то обсудить свою жизнь. И «чужой» собеседник более приемлем.

Конечно, главным было то, что постепенно выяснилось, что мы со Львом Яковлевичем многое в СССР оценивали достаточно одинаково. Я тогда активно участвовал в реформах Косыгина и видел, как их захлестывает вся советская стихия. Видел это и Лев Яковлевич. И мы оба приходили к общим выводам о причинах провала последней попытки спасти социализм.

Оценивая текущие события – ввод войск в Прагу, войну Египта с Израилем, другие внешние и внутренние события, мы постоянно убеждались в схожести своих оценок.

Чему же я научился за десять лет нашей близости?

4. Ученый

Лев Яковлевич стал для меня образцом ученого-экономиста. Я на его примере сформулировал для себя ряд положений, касающихся того, каким должен быть ученый-экономист.

Надо **знать** свою область по всем доступным источникам (особенно цифры и факты). Изучать реальную экономику. Книжки и статьи других. Следить за всеми новшествами. И главное – знать, где они могут появиться и у кого. Мир соратников, мир соперников, мир противников.

Лев Яковлевич очень избирательно посещал научные конференции, дискуссии, защиты диссертаций. Он знал, куда надо идти, куда стоит не идти, кого надо послушать.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Это от него я услышал о язвительном ответе вернувшегося после двадцатилетней ссылки в сталинские лагеря и чудом уцелевшего А. Вайнштейна на вопрос, как ему удалось сразу же войти в первые ряды действующих ученых. «Ведь о развитии экономической науки эти двадцать лет вы ничего не знали!» Вайнштейн ответил: «Я легко вписался в экономическую науку, так как она эти двадцать лет стояла на том же месте, на котором она находилась, когда меня арестовали. А кое-где шагнула даже назад».

От него я узнал и научную, и персональную оценку ситуации в Институте экономики (где он много лет работал). «Институт возглавляет великий организатор Л.М. Гатовский – в ненависти к себе он сплотил весь коллектив». Он дал оценку и типа научной работы в институте. «Это даже не кооператив. Это квартал мастеров-индивидуалистов. Есть известный ученый. У него пара лаборантов и порой один-два аспиранта. При нем младший научный сотрудник. Раз в три-пять лет ученый должен опубликовать солидную монографию. Все. Остальное прилагается».

Многое еще он мне рассказывал об Институте экономики – со свойственным ему юмором. Вот выступает во время борьбы с космополитами знаменитый Розенберг (академик с четырьмя классами образования). Он отвечает на обвинения в преклонении перед Западом старческим, шамкающим языком: «По институту ходят шлюхи и говорят, што я кошмополит». Он хотел сказать «слухи», но прозвучало «шлюхи». Всеобщий хохот сорвал «разборку».

Вот Островитянов ведет обсуждение книги академика Е. Варги. Дискуссия переходит из научной в «уголовно-теоретическую», и выводы уже очевидны. Но спас Варгу сам Сталин, который помнил, что именно Варга придумал для доклада на XIV съезде ВКП (б) понятие «депрессия особого рода», позволившее уйти от вопроса о том, почему кризис 1929 года не закончился гибелью империализма.

Вот в институтской стенгазете рисунок: одетый в драную фронттовую шинель Я. Кронрод говорит: «Деньги – это символ». Ему отвечает одетый в новый костюм профессор Атлас: «Нет, деньги – это вещь».

...Опять припоминаю благодарно...»

Чего только я не узнал от Льва Яковлевича! Я, собственно, понял, что помимо науки на страницах публикаций есть и другая наука: живых людей.

Лев Яковлевич считал, что нельзя быть грамотным экономистом, не читая **западную литературу**. Он знал язык. Он вместе с С.А. Хейнманом написал огромную монографию по структуре американской промышленности – по данным американских статистических цензов.

Далее. Лев Яковлевич считал: надо изучать **историю** своей науки. В его домашней библиотеке я увидел работы ученых дореволюционной России. Работы советских ученых-экономистов двадцатых годов он не сохранил. «Уничтожил все сам. Авторы одного за другим объявляли врагами народа. На случай возможного обыска я и устранил такой «компромат».

Ученый должен всегда работать. «Не позволяй душе лениться...» До последней минуты жизни Лев Яковлевич трудился. «Пока ты можешь читать, пока можешь писать – ты жив». Ученый жив, пока занимается научной работой.

Важный урок, который я получил и за который глубоко благодарен Льву Яковлевичу, – это урок того, как создать и организовать коллектив ученых.

Можно быть прекрасным администратором. Можно уметь планировать и контролировать. Можно обеспечить дисциплину. Можно даже самому писать свои научные труды и публиковать свои книги.

Но всего этого недостаточно для создания научного коллектива.

Нужно выдвинуть общую важную, значимую **научную задачу**.

Такой задачей Лев Яковлевич для своей кафедры считал написание университетского учебника по планированию.

Выбор общей задачи был очень удачный, так как она хорошо сочеталась с преподавательской деятельностью.

После выбора общей задачи надо вовлечь в ее разработку **всех** сотрудников. Именно **всех**.

Даже для меня он нашел место – написать в главу об организации планирования параграф о применении ЭВМ в планировании.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Я понимал, что эти пять страниц могут написать и без меня. Берри это тоже понимал. Но хотел, чтобы я стал участником общей работы, помогал ей и болел за нее.

Глядя на другие кафедры, я вполне оценил метод Льва Яковлевича. Там авторами учебника становились «мэтры». Они писали по три-пять глав. Остальные сотрудники кафедры оказывались в роли обслуживающих и помогающих. Они или теряли интерес к главной работе кафедры. Или становились постоянными критиками, порой крайне агрессивными. Агрессивность эта росла и обычно «перекидывалась» на все стороны жизни кафедры.

И когда я – уже на своей кафедре управления – организовывал написание учебников, я шел по методу Берри.

Я понял, как ему было трудно, – порой легче было мне написать многое самому. Но я помнил урок Берри: надо иметь солидарно действующий коллектив в целом, если не хочешь погрязнуть в дрызгах и скандалах.

И еще одному я научился у Л.Я. Берри – как комплектовать творческий коллектив. Лев Яковлевич привлекал и молодых, и опытных авторов. Теоретиков сочетал с теми, кто имел практические знания и опыт. Теоретиков «классических» сочетал с теоретиками-новаторами. Работников научных институтов – с педагогами вузов. Сотрудников министерств – с работниками «низов». Знатоков нашей страны – со специалистами по странам социалистического блока, по капиталистическим странам.

Получался потрясающий по эффективности «букет».

И этот метод я потом постоянно использовал. Потом – уже на своем опыте – я понял, как трудно было Льву Яковлевичу организовать совместную работу столь различных людей. Тот заболел. Тот уехал в отпуск. Тот направлен в заграникомандировку. Тому нужен кто-то, кто запишет его очень яркую, но сугубо устную речь. А у того надо канцелярский язык превратить в понятный студентам.

И еще характерная черта его как ученого. Он был очень открытым человеком. Ему многое рассказывали. Он рассказывал. Общение было для него частью научной жизни.

...Опять припоминаю благодарно...»

И еще у него были настоящие друзья – ученые, похожие на него и близкие ему. Он меня постепенно знакомил с ними, и я вошел в круг реальных экономистов, весьма существенно отличающийся от формального и тем более официального.

В этом кругу были блестящий В. Красовский, энциклопедически образованный С. Хейнман, исключительно глубокий Я. Кваша и другие.

Но Лев Яковлевич очень ценил и молодых ученых. У него был поразительный «нюх» на таланты.

Я заметил эту черту у двух категорий ученых. Первая – те, кто сам ничего ни придумать, ни создать не может. Но они сразу же «чуют» талант других, умело «срачиваются» с ними, порой реально помогают росту молодых. И поэтому сумели сделать свою научную карьеру. И вторая – как Берри – «чуют» таланты в силу собственной одаренности – «по свойству души».

Благодаря Льву Яковлевичу я «во второй раз» познакомился и с Шаталиным, и с Анчишкиным. Они стали близкими мне людьми.

Так под руководством Л.Я. Берри я проходил курс за курсом так нужного мне моего «пятого университета».

Если я потом легко осваивался с ролью декана экфака МГУ, главного редактора «Вопросов экономики» – это во многом заслуга той учебы, которую я прошел у Л.Я. Берри.

И все же Лев Яковлевич как личность был для меня важнее, чем Берри – ученый.

5. Личность

Пытаясь найти самое главное в личности Льва Яковлевича, я вспомнил слова Понтия Пилата из «Мастера и Маргариты». Пилат говорит об Иешуа Левию Матфею: «Он был добр...»

Пожалуй, именно **доброта** – самая главная характеристика личности Берри. Доброта, доброжелательность, дружелюбие. Эту черту я всегда отмечал у дореволюционных врачей и фельдшеров, с которыми встречался в туберкулезных диспансерах.

И еще – юмор.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Юмор Льва Яковлевича включал и бесчисленное количество еврейских анекдотов, которые он очень умело и очень вовремя вставлял в разговор. Я не запомнил и десятой их части, но и этого запаса мне до сих пор хватает для общества друзей и знакомых.

На первом месте была у Льва Яковлевича семья.

Как-то он сказал, что на его отъезд из Москвы в конце сороковых годов во Львов повлияли не только желание пожить, наконец, в нормальной квартире, не только шанс быстро получить кафедру и звание профессора. Было и другое обстоятельство.

Лев Яковлевич увлекся женщиной. N имела мужа, детей, но тоже увлеклась Львом Яковлевичем.

N воплощала многое из того, чего не хватало Льву Яковлевичу в семье: элементарного внимания к его быту. В его семье была обстановка любви и дружбы. Но на быт главы семейства никто особого внимания не обращал. Жена была женщиной интеллектуальных запросов. Она могла до двух ночи беседовать с сыном о какой-то новинке в литературном журнале. А вот о Льве Яковлевиче она заботилась совсем в духе отношений советского министерства к подведомственному ему заводу: занималась только тем, о чем ее настойчиво просил сам Лев Яковлевич. Впрочем, имея трех детей, она при всем желании не имела времени. А после сорока лет Льву Яковлевичу хотелось большего. Но и жена, да и вся семья как-то привыкли, что это он все время думает о них, а сам находится, так сказать, на самообслуживании.

А N, напротив, была ориентирована на организацию быта своей семьи и себя. И еще на Леву хватало времени. Так что назревал серьезный конфликт, так как именно сочетание сферы чувств и сферы быта создает наиболее опасную ситуацию.

Лев Яковлевич понял, что надо выбирать. И он сделал выбор: пожертвовал собой ради сохранения семьи. Чтобы облегчить реализацию этого выбора, он и пошел на отъезд во Львов.

Правда, история эта имела продолжение. Когда умерла жена, Берри остался один. И у него возобновились (если они вообще когда-либо прекращались) отношения с N.

...Опять припоминаю благодарно...»

Мы где-то вместе отдыхали: он с N и я. Я видел, как она вполне искренне заботилась о нем. И порадовался за него.

Но было очевидно, что N привыкла в семье всем руководить, попросту командовать. Самого Лева Яковлевича это не тяготило. А вот и дочь Таня, которая развелась с мужем и с внучкой переехала к отцу, да и сыновья к стилю N не были готовы: они привыкли к свободе, укрепившейся в семье.

И опять Лев Яковлевич предпочел интересы семьи. Я до сих пор не уверен в правильности решения Берри. Мне все кажется, что, займи я иную позицию, посоветуй я ему устроить дальнейшую жизнь с N, он мог согласиться со мной и – я уверен – прожил бы гораздо дольше, чем получилось в действительности. Таня, конечно, заботилась об отце, но вот не покидает меня это ощущение упущенной Львом Яковлевичем возможности прожить еще много лет.

Лев Яковлевич остался с детьми, удочерил внучку (чтобы она смогла получать какую-то пенсию после его смерти).

А для меня это был наглядный пример настоящего интеллигента: если завел семью, то нет ничего важнее.

На мой вопрос, какую часть своих доходов он тратит на себя, Лев Яковлевич искренне ответил: «Не знаю». Сначала в его семье удовлетворялись запросы всех детей, затем – жены и только потом – из остатка – шли расходы на него. Так сказать, советский остаточный принцип, но приложенный к профессорскому быту.

Должен сказать в оправдание его семьи, что запросы у всех были вполне умеренные. Семья жила по традициям русской интеллигенции.

Как-то на одном из ученых советов я обратил внимание Льва Яковлевича на то, какой красивый новый костюм пошил себе один наш завкафедрой. Лев Яковлевич сказал: это не наше. Это чужое. Это дворяне и купцы следили за модой. А учителя и врачи жили так: один костюм и одно пальто не чаще чем в пять лет. И считалось у нас в Воронеже вполне нормальным, если уважаемый человек год за годом приходит в гости в одном и том же костюме.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Да и прием гостей у интеллигентов – продолжал Лев Иванович – был соответствующим: чай и к нему печенье и сушки. Спиртное, как правило, не подавалось. Зато было принято на отдельный столик ставить все приобретенные в последнее время книги и все последние номера журналов. Это было важнее чая».

Общение с семьей Льва Яковлевича приучило меня подписываться на «Литературную газету» и на журнал «Новый мир». Раньше я, конечно, постоянно читал их, но в библиотеке. Именно у Льва Яковлевича я взял несколько зачитанных номеров журнала «Москва» с главами только что опубликованного «Мастера и Маргариты» Булгакова и, потрясенный, навсегда полюбил самое великое произведение литературы XX века. До этого я считал вершинами нашего века Франца Кафку и Габриэля Маркеса.

Семья Льва Яковлевича была в курсе интеллектуальной жизни Москвы: театральной, журналистской и т.д. Я постепенно привык к тому, чтобы интересоваться не только экономикой.

Наше с Львом Яковлевичем общение касалось многого. Но здесь особо я хотел бы остановиться на двух вопросах: международном и межличностном.

6. Национальный вопрос

Для нас обоих национальный вопрос был актуален: и для него – еврея, и для меня – грека.

Лев Яковлевич – как я понял по его замечаниям – родился в интеллигентной, но очень традиционной еврейской семье в Воронеже. И – как он сам говорил – первым проявлением его самостоятельности как личности стало растущее неприятие навязываемых ему устаревших в обстановке послереволюционных двадцатых годов еврейских традиций и бытовых обычаев.

Неприятие переросло в конфликт, так как семья ни в чем не хотела уступать. Как это часто бывает, сильное давление или ломает сопротивление, или, напротив, укрепляет стойкость личности протестующего. Со Львом Яковлевичем имело место второе.

Протестуя против семейного еврейства, он начал встречаться с русской девушкой. И девушкой уже беременной, ожидающей ребенка, имеющей жениха (в те годы многие мало заботились об официальной регистрации брака).

Семья Берри встала на дыбы. Зато Лева – он мне как-то об этом сказал – не только из-за любви к избраннице, но и из-за желания сделать жест, окончательно разрывающий с еврейством, женился на ней, усыновил ребенка.

Мои собственные взгляды на мое греческое происхождение в молодости были в чем-то похожими на позицию молодого Берри. Я – в духе марксизма – считал, что национальности исчезнут. И мы – по Маяковскому – будем «в целом мире, без России, без Латвий жить единым человечьим общежитьем».

Поэтому я не освоил греческий язык – даже тот диалект, на котором говорили мои родители. Этот диалект отражал – как установил изучавший его в тридцатые годы ленинградский профессор Соколов (расстрелянный, в том числе и за это, в 1937 году) – отражал жизнь моих предков в течение почти двух тысяч лет. После того как они (не исключено, еще после гибели Трои) переселились в Крым, пополнялись переселенцами из городов Афинского Союза, затем Византии, а потом и беженцами из захватившей ее турецкой империи. Диалект этот (точнее, несколько диалектов), по мнению профессора Соколова, во многом близок языку не современных, а именно древних греков. Я изучил тот минимум, который позволял мальчику догадываться о спорах папы и мамы (они при нас, детях, спорили на греческом языке) и общаться во время детских каникул, которые я часто проводил у деда в приазовской Ялте. Моя бабушка и многие соседи по-русски понимали мало.

А вот в университете я и эти знания почти подзабыл.

В жизни страны на низших этажах мы, греки, не сталкивались с какой-то дискриминацией. Да и война усилила чувство общности. И папа, и мама, продвигаясь по вузовской лестнице от ассистента до заведующего кафедрой, никогда не жаловались на притеснения национального характера.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Сам я в университете, в комсомоле, на факультете и в МГУ в целом учился, жил и работал в среде, где многие – особенно историки – обычно знали «одиссею» моих предков.

Столкновения и проблемы начались, когда я поднялся на уровень, на котором в мою жизнь и работу вошли постоянные выезды за границу, в том числе и в капиталистические страны. Д.М. Гвишиани, курировавший научно-технические связи СССР, послал меня «для пробы» в ООН. Эффект был: в ООН заявили, что они готовы приглашать меня в качестве постоянного эксперта – они чуть ли не впервые встретили советского представителя, компетентного в проблемах управления.

А вот в ЦК КПСС и МИДе мое появление нарушило все их регламенты. На одном из собеседований какой-то инструктор ЦК КПСС прямо спросил меня: «Когда ваши предки появились на территории СССР?» Я не выдержал и ответил: «За тысячу лет до ваших». Он побежал к начальству. К счастью, отделом науки ЦК заведовал протеже Брежнева Трапезников, который был грамотным историком и подтвердил, что греки появились в Крыму до нашей эры, за сотни лет до появления славян.

Еще больше проблем возникло у меня в связи с постоянно возникающими вариантами перейти на работу в аппарат ООН, аппарат Госплана и самого ЦК КПСС. Тут уже шла баталия за каждую вакансию, и конкурентов устраняли любыми методами, вплоть до поиска еврейских бабушек. Ну а тут ничего искать не надо – грек.

Мне не раз предлагали сменить национальность. Многие греки это делали. Но тут у меня возникали уже свои возражения. Хотя мариупольские греки в отличие от крымских и кавказских выселению не подвергались (во многом благодаря личной подруге Сталина Герою Социалистического Труда, первой женщине-трактористке СССР гречанке Паше Ангелиной, работавшей в одном из наших греческих сел в Приазовье), я не мог спокойно наблюдать страдания сотен тысяч греков, выселенных в Сибирь и Казахстан и почти не получивших компенсации после реабилитации Н.С. Хрущева так называемых «репресси-

рованных народов». Отказ от национальности казался мне предательством этих греков.

Кроме того, к этому времени я уже изучил, какую роль в русской истории сыграли греки – и при принятии православия, и после падения Византийской империи, и в годы войны с Турцией. Я уже знал имена поэта Кантемира, художников Венецианова и Куинжи, дипломата Каподистрию.

Знал о Герое Советского Союза полярнике И. Папанине, о поднявшем в воздух первый в мире реактивный самолет Герое Советского Союза Г. Бахчиванджи, о боевом генерале Колпакчи и многих других.

Знал и то, что многие славные сыны России – вплоть до академика Вернадского и маршала Жукова – имели греческих предков.

И перед всеми этими греками было стыдно менять национальность.

В годы нашего с Левом Яковлевичем знакомства в СССР началась очередная волна борьбы с сионистами.

Антисемитизм питался из нескольких источников.

Общее ухудшение ситуации в СССР усиливало значение тех привилегий, которыми пользовалась советская бюрократия, особенно номенклатура. И борьба за места в этом самом обеспеченном классе советского общества не могла не сопровождаться комплексом мер по устранению конкурентов. Вводили процент в высших звеньях аппарата для представителей Кавказа и Средней Азии. Стремилась облегчить карьеру, избавляясь от конкурентов ссылками на их «еврейские корни».

Далее, начиналась борьба за то, кто унаследует пост уже тяжело больного Брежнева. Среди соратников Брежнева были те, кто имел жен-евреек. Борьба с еврейством позволяла конкурирующим кланам в КПСС ослабить этих лидеров.

Ни в КПСС, ни в КГБ, ни в Министерстве обороны особых структур для России в целом не было. Сказался разгром ленинградской группировки Кузнецова и Вознесенского еще при Сталине (они якобы размышляли об особых российских мини-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

стерствах). Но все же были некоторые российские органы: Совет Министров, МИД и т.д. Тут уже сам бог велел отстранять и представителей союзных республик, и тем более евреев.

А когда создали российские творческие союзы – писателей, журналистов и другие, то тут у патриотов-шовинистов появился серьезный плацдарм – в творческих сферах традиционно евреев было достаточно много.

Повлияло и несколько ситуационных факторов.

Была проблема выезда евреев в Израиль. Число желающих уехать росло пропорционально общему ухудшению жизни в СССР и пропорционально масштабу давления на евреев.

Поражения арабских стран в войнах с Израилем советские советники, пытаясь снять с себя вину, среди прочего объясняли и помощью советских евреев Израилю.

В странах советского блока усиливалась антисоциалистическая оппозиция, и ей тоже постарались придать еврейскую окраску – чтобы уйти от анализа подлинных причин кризиса социализма как строя.

Все эти вопросы мы постоянно обсуждали с Левом Яковлевичем.

Но были и «свои» проблемы.

Ухудшение экономического положения страны руководство связывало не с исчерпыванием последних резервов социализма как строя, а с плохой работой ученых-экономистов. А среди них вина прежде всего ложилась на евреев и те исследовательские и вузовские центры, в которых евреям приписывалось серьезное влияние.

В экономической науке оба наиболее прогрессивных направления – проблематика экономической реформы и проблематика применения математических методов и ЭВМ – связывались противниками нового с именами работающих в них ученых-евреев.

Все это я по-настоящему понял, когда был включен по решению ЦК КПСС в комиссию по проверке Института экономики Академии наук СССР.

...Опять припоминаю благодарно...»

Мы со Львом Яковлевичем с нашим «внеациональным» подходом оказались в сложном положении. Надо было искать правильную позицию.

Ясно было, что старый курс на интернациональное слияние превращается в инструмент гонения и дискриминации ряда национальностей.

Я понял только теперь причину появления работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Эта работа, казавшаяся много лет чем-то вроде проявления старческого маразма вождя (в песне Галича говорилось с издевкой: «...в языкознании вы тоже корифей»), на самом деле была для Сталина очень важной.

Он решал вопрос о том, включать ли занятые Красной Армией в Восточной Европе страны в СССР в качестве советских республик (как предлагал тогда Георгий Дмитров). И среди главных контрдоводов была проблема языка – объективного и не поддающегося командованию фактора. Сталин решил идти по совершенно новому для ленинца пути: создавать самостоятельные социалистические страны. Это позволило избежать партизанских войн, которые полыхали в превращенных в советские республики странах Балтии и на Западной Украине. Зато начались чуть ли не сразу конфликты с социалистическими странами. Первый был с Югославией.

Если уж сам Сталин считал преждевременной национальную интеграцию, то следовало думать не об уничтожении национального, а о формах и направлениях его правильного развития в будущем.

Пока что ничего правильного мы с Львом Яковлевичем не видели. Лев Яковлевич рассказывал мне, что молодые евреи тайно посещают курсы по изучению иврита. Это поможет им после выезда в Израиль.

Лев Яковлевич ничего не говорил о себе. Но, видно было, тяжело переживал ситуацию.

Как-то он рассказал анекдот. «Позиция коммунистической бюрократии простая. Есть жидаы. Есть евреи. Есть гении русско-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

го народа. Жиды – это евреи-продавцы или портные. Евреи – это врачи, учителя, музыканты. Гении русского народа – это выдающиеся евреи в науке, искусстве, спорте и т.д.». И добавил с грустной усмешкой: «Несмотря на то что я лауреат Государственной премии, все же до гения русского народа не дотягиваю, остаюсь евреем, хотя и на высшем этаже. Так что мне просто некуда деваться».

Думаю, что так же как и мы, искренне обсуждали национальную проблему СССР и многие другие интеллигенты.

К глубочайшему сожалению, открытой дискуссии по этой проблеме – как и по другим проблемам будущего страны – не состоялось. И в итоге революцию 1989–1991 годов страна встретила, не получив от своей интеллигенции вариантов жизни после выхода из социализма. И на нас обрушился один беспощадный путь: «Социализм – СССР, выход из социализма – распад СССР».

К счастью, Лев Яковлевич не дожил до этой эпохи, когда десятки давно назревших проблем начали реализовываться, но только в виде трагедий.

7. О конфликтах

Вообще и дразги, и конфликты, в которые они нередко перерастают, вполне «закрепившаяся» часть жизни интеллигента. Особенно в творческих сферах. Но есть они и в педагогических, и в научных коллективах.

Иногда эти конфликты отражают попытки внедрить новое, осуществить назревшие или сулящие эффект перемены. Иногда – мешают работе.

Масштаб и количество конфликтов во многом связаны с общей обстановкой в стране, и особенно в той сфере, в которой интеллигент работает. Общественный застой, идеологический гнет, политическая истерия, обстановка нетерпимости к одному или восхваления другого усиливают конфликты. А вот напряжение всех сил, чувство острой ответственности за общее дело и ряд других обстоятельств ослабляют и сглаживают конфликты.

Но, как бы то ни было, без конфликтов жизнь и работа интеллигента немислима. И навыки поведения в них – составная часть формирования интеллигента.

И здесь уроком для меня стало поведение Льва Яковлевича в к сожалению, затронувшем его большим для масштабов его кафедры конфликте.

Лев Яковлевич, ранее работавший обычно индивидуально, с возрастом стал думать о постоянном помощнике, соавторе. О том, кто будет развивать его идеи и превращать их в статьи и книги.

Сам по себе это нормальный вариант. Мы на экфаке знали и ярких индивидуалистов – таким был, например, заведующий кафедрой истории экономических учений профессор Федор Яковлевич Полянский, в одиночку издавший десятки книг.

Но был и Сергей Кузьмич Татур, о котом я писал выше. Он вначале работал как индивидуалист, но к старости все чаще использовал в качестве помощника и соавтора Анатолия Даниловича Шеремета. Тот очень гордился его доверием. Причин было две. Во-первых, Анатолий Данилович любил, именно любил Сергея Кузьмича. Во-вторых, Анатолий Данилович постепенно стал чуть ли не опекуном Сергея Кузьмича по всем сторонам его жизни и быта. Я сам видел, посетив Сергея Кузьмича в больнице, с какой сыновней заботой относился к своему больному учителю Анатолий Данилович. Лицемерия, о котором писал Пушкин в «Евгении Онегине» – «какое низкое коварство – ему подушки поправлять!», не было и в помине.

Весь университет знал пару: академик Колмогоров и профессор Хинчин. Хинчин практически написал все их совместные учебники, прослушивая устные лекции Колмогорова.

Так что само по себе желание Льва Яковлевича было вполне нормальным – для заключительного этапа творческой жизни. Я – при всей нашей близости – для роли второго номера не подходил: у меня были другие научные интересы. И Лев Яковлевич выбрал распределенного к нему на кафедру X, только что защитившегося кандидата.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Х когда-то окончил наш факультет, поехал работать в провинцию. Там быстро стал, как теперь говорят, «спичрайтером» первого секретаря региона. В высшей партийно-бюрократической среде он приобрел или развил уже заложенные в нем качества. В его глазах буквально сияла исключительная преданность начальству и готовность к полной покорности.

Способности и таланты у Х были, особенно трудолюбие и усердие. Но была и своеобразная жажда чем-то выделиться, обозначиться. В науке такая форма индивидуализма приводит зачастую к появлению собственных оригинальных концепций – нередко «навороченных», надуманных, находящихся на грани нормального.

Всего этого Лев Яковлевич не разглядел. А преданный взгляд принял не за жажду делать карьеру на кафедре любой ценой, а за согласие со своими научными концепциями.

Сначала все шло традиционно. Лев Яковлевич правил их совместные доклады, договаривался о включении их в программу научных конференций, вводил Х в круг ученых, занятых их проблемами, хлопотал в журналах. Но через несколько лет возник конфликт.

Частично в нем оказался виновен и я. За несколько лет я и Г.А. Егиазарян (с которым и Х, и я окончили вместе аспирантуру) написали и защитили докторские диссертации. Это было очень нестандартно: в те времена докторскую защищали в среднем к пятидесяти годам. Еще более необычным было то, что мы оба получили кафедры на факультете.

К этому времени получил кафедру и А.Д. Шеремет (которую передал ему его учитель – С.К. Татур). Кафедру экономической кибернетики возглавил тоже наш сверстник – С.С. Шаталин. В общем – во многом под нажимом ректора МГУ И.Г. Петровского и нашего нового декана Михаила Васильевича Солодкова – факультетское руководство заметно помолодело.

Думаю, что именно все это подтолкнуло Х к двум взаимосвязанным идеям: пора защищать докторскую и пора стать завкафедрой. Первый план он изложил Льву Яковлевичу. Второй

план явно просматривался: после защиты надо будет уступить кафедру Х.

Но область, в которой работали Берри и Х, существенно отличалась, скажем, от моей, где я имел дело, по существу, с целиной, на которой кое-где маячили остатки трудов наших ученых двадцатых годов, а где-то за рубежом вырисовывались контуры целых небоскребов научных разработок. В стране начались экономические реформы, и руководство ждало расширения сферы исследований. Я не столько пробивал, сколько едва успевал готовить материалы – и в ЦК, и в Госплан, и в ГКНТ, и, что существенно, для комиссии А.Н. Косыгина по разработке реформы.

В планировании же разработки шли традиционно. Новые направления – межотраслевой баланс, прогнозирование и математическое моделирование – тормозились.

Если я занимал, условно говоря, свободную территорию, то план Х требовал, чтобы ему специально, вне очереди было выделено место в уже построенном и заселенном здании своей науки. Тут даже огромные усилия Льва Яковлевича не могли помочь (даже если бы он захотел).

Х избрал путь критики тех, кто в науке уже сделал себе имя. Критика – вещь в науке обычная. Но успех она дает только в случае, если ей противостоят обветшавшие концепции и теории. Конечно, дела в социалистической экономике шли все хуже – и тут Х было на что опереться. Но он был вне структур – государственных и научных, занятых поиском выхода. И ему осталось «со стороны» «разоблачить» тех, кто уже работает в этой сфере. Обычный удел теоретиков, не привлекаемых к решению проблем: или предлагать нечто совершенно новое (что вело бы к столкновению с концепцией социализма), или заняться «умствованиями» и «оригинальничаньем». На путь критики социализма Х, конечно, не стал. Ему помимо критики осталось «оригинальничанье».

Даже с черного хода, даже в тени Берри, пробиться при таком подходе в доктора было практически невозможно.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Ко всему этому добавились еще два обстоятельства.

Х имел способности. Но это был, как когда-то писал Л.Н. Толстой, числитель. А в знаменателе стояло такое самомнение, такая вера в свою гениальность, что общая дробь стремилась к нулю. Все это кафедра хорошо видела. Она не хотела иметь его своим лидером. Проще всего было задержать претендента на стадии защиты.

Но и сам Лев Яковлевич вовсе не собирался на покой. И ему тоже не нужен был доктор, ожидающий или его смерти, или добровольного ухода.

Словом, с написанной Х диссертацией началось светопре-
ставление.

Х драки не боялся. Но беда в том, что он решил придать своим личным проблемам «общественную значимость». В духе расцветающего тогда официального антисемитизма Х начал везде – прежде всего в партийных инстанциях – изображать себя как борца против еврейского засилья в экономической науке, которое привело и к застою в теории, и к провалам в практике.

Выслушивая его антиеврейские тирады, я как-то сказал, что Х явно «сходит с роликов». Георгий Васильевич Перов, бывший первый заместитель Госплана СССР (выступивший против очередных вывертов Хрущева, снятый им со всех постов и получивший в итоге тяжелый инфаркт), был приглашен Львом Яковлевичем на кафедру и оказал огромное влияние на улучшение качества учебника планирования. Георгий Васильевич, с его огромным опытом еще сталинской эпохи, ответил мне: «Да, он сумасшедший. Но, Гавриил Харитонович, он из тех сумасшедших, которые хорошо знают, **когда и в какую сторону** надо сходить с ума».

«Сторону» Х действительно выбрал удачную. Х встретил сочувствие и понимание «в верхах». Те стали поощрять его агрессивность.

В такой ситуации победа Х уже означала нечто большее, чем личное поражение Льва Яковлевича. В обсуждении диссертации пришлось участвовать и всем нам.

...Опять припоминаю благодарно...»

На каком-то совете я произнес жесткую речь по адресу Х (к которому раньше – в годы учебы и нашей жизни в общежитии – относился неплохо). Х в очередной раз был советом отвергнут.

После заседания ко мне подошел Лев Яковлевич и сказал: «Спасибо за хорошее выступление. Но я ведь и сам могу себя защитить. Как профессионал своей науки – даже лучше, чем Вы.

Но есть такие конфликты, когда победитель – при всей его правоте – выходит из схватки заляпанным грязью, а то и в пятнах крови. И не все удастся отмыть, даже за много лет. Именно такой случай имеет место сейчас. Первое. Критика Х и ситуации в экономике, и в теории планирования, и ученых-экономистов во многом справедлива. Другое дело – мерзкие мотивы этой критики. Третье дело – совершенно неприемлемые предложения Х. Но настоящий анализ – не для нашего времени и не для нынешней ситуации.

Я просил бы Вас больше не выступать. Вы мне дороги, и я не хотел бы, чтобы из-за меня у Вас в дальнейшей жизни были проблемы».

Я хорошо запомнил, что бывают конфликты, когда – чем бы они ни заканчивались – «всегда хуже». И лучше «выйти из игры». Останешься с чистыми руками.

Я, к сожалению, не сумел поступить в духе совета Льва Яковлевича, когда возник конфликт уже в моем коллективе. И, честно говоря, на самом деле и из моей победы ничего хорошего не получилось.

Зато потом, когда некий ученый начал дискуссию со мной в «Общей газете», а потом и в «Независимой газете», я немедленно отказался от полемики с ним прямо ссылаясь на совет профессора Берри.

Свой последний университет я окончил – во многом благодаря Льву Яковлевичу. И революцию 1989–1991 годов встретил Интеллектом и Гражданином.

2007 г.

Николай Александрович ЦАГОЛОВ

Чем яснее становилась для меня невозможность моего сосуществования с государственным социализмом СССР, тем напряженнее я пытался всмотреться, понять и осмыслить опыт тех, кто казался мне похожим на меня, но кто сумел и работать, и жить в условиях нашего строя.

Естественно, я прежде всего думал о наиболее близких мне по работе и потому более известных мне людях – руководителе моей кандидатской диссертации профессоре Сергее Кузьмиче Татуре, консультанте моей докторской диссертации профессоре Льве Яковлевиче Берри, декане факультета профессоре Михаиле Васильевиче Солодкове, ректоре университета академике Иване Георгиевиче Петровском, новом ректоре Рэме Викторовиче Хохлове и других. Среди тех, о ком я размышлял, был и профессор Николай Александрович Цаголов.

Я еще был студентом, когда он стал заведующим кафедрой. Им он оставался и в годы моей аспирантуры, и в годы работы – от ассистента до декана – почти три десятка лет. Н.А. Цаголов привлекал меня тем, что он работал не просто в общественной науке и не просто в экономической науке, а на наиболее остром, наиболее, по моим представлениям, скользком участке экономической теории – в области политэкономии социализма. В статье, посвященной столетию со дня его рождения, я и хотел бы поделиться и впечатлениями тех лет, и размышлениями последующих времен.

1. Поиск ниши

Анализируя жизнь тех, кого я уважал и ценил, я в конце концов выработал идею ниши.

...Опять припоминаю благодарно...»

Само слово я взял у экологии. Но у меня оно означало, что и в советской жизни интеллигент приобретает некоторую устойчивость, обретает равновесие и какую-то перспективу, если он находит для себя приемлемое место и занятие, эту самую нишу.

У Н.А. Цаголова было три, как мне кажется, ниши. До репрессий тридцатых годов он, безусловно, готовился работать на самых передовых рубежах практики. Это вполне естественно. Человек выдающихся способностей, огромного темперамента и активности, безусловного и обоснованного честолюбия, он не мог не хотеть сделать карьеру в первых рядах. Он был настоящим сыном революции, она дала ему перспективы. Я думаю, он был бы прекрасным политическим лидером.

Сначала, казалось бы, все шло нормально. В тридцатые годы он занимал высокий серьезный стартовый пост и, что очень важно, начал уже входить – в свои тридцать лет – в ответственные комиссии. А работа в комиссиях – первый шаг к большому посту, к выдвижению. Именно в них – и я знаю это по своему опыту – вас видят и начинают оценивать и другие «ключевые» работники, и, главное, руководство (в то время как на одном рабочем месте вас в лучшем случае ценит один непосредственный начальник).

Вот и Цаголов активно работал среди тех, кто готовил в Госплане СССР второй пятилетний план. А при председателе Госплана Межлауке Н.А. Цаголов уже входил в состав особой группы при председателе. Группу возглавлял В.П. Красовский. В нее входили С.А. Хейнман, Л.Я. Берри и другие.

Судьба и Межлаука, и этой группы оказалась трагичной. Межлаука расстреляли в годы репрессий. Красовский и Хейнман расстреляли избежали, но на долгие годы отправились в лагерь. По каким-то поводам в узком кругу я слышал от них те или иные рассказы о лагерной жизни и никак не соберусь и не найду повода записать эти поразительные истории.

Цаголову и Берри повезло. Их не арестовали. Но как умные люди они должны были сделать вывод: ниша, которую они избрали, смертельно опасна. Из нее надо немедленно уходить. Но куда?

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Немало в те годы было тех, кто радикально менял и сферу работы, и профессию. Немало переезжало в совершенно новые края. Цаголов оказался среди тех, кто решил уйти из практики в науку. Так поступил и Л.Я. Берри. И многие другие яркие люди ушли из аппарата власти.

Но в науке они старались отойти от «горящей» проблематики. Автор книги по советской экономике, глубоко мною уважаемый профессор И.Г. Блюмин занялся историей экономических учений и, в частности, современной буржуазной экономической теорией. Именно из его блестящих лекций я узнал и о Кейнсе, и о Мизисе, и о многих других великих теоретиках, о существовании которых даже не подозревали не то что практические лидеры советской экономики, но даже многие тогдашние теоретики экономической науки.

Н.А. Цаголов тоже решил заняться историей экономических учений. От фактического помощника председателя Госплана СССР к историку науки – дистанция огромная. И если Цаголов решился ее преодолеть, то можно только представить весь тот ужас, который он пережил, когда каждую ночь «черные воронки» увозили его знакомых, друзей и родственников.

Докторская диссертация Н.А. Цаголова была посвящена Н.Г. Чернышевскому. Н.Г. Чернышевский был великим русским экономистом. Но не это, скорее всего, привлекло Цаголова. Он всегда умел хорошо улавливать «веяния». А «веяния» в те годы явно шли в направлении борьбы с преклонением перед Западом. Это были годы многотомной книги «Люди русской науки», из которой следовало, что мы все изобрели и открыли. Заниматься западными экономистами становилось небезопасно.

С книгой о Чернышевском, которую подготовил Н.А. Цаголов, связан такой забавный эпизод. Шло ее обсуждение в Институте экономики, и Н.А. Цаголову предоставили заключительное слово. Он начал его так: «Товарищ Сталин учит нас, что если в критике есть хотя бы 5% правды, за нее надо благодарить. Я не могу сказать, что все выступавшие здесь выполнили сталинский пятипроцентный норматив правды, но все же хотел бы поблагодарить всех...»

...Опять припоминаю благодарно...»

История русской экономической мысли стала второй нишей Николая Александровича. Она наиболее не соответствовала ни его характеру, ни всей его личности.

Третью нишу, как мне кажется, он решил занять после XX съезда КПСС. Критика Сталина, все то, что называют хрущевской оттепелью, могли бы подвести Н.А. Цаголова к решению вернуться в сферу руководства. Но ему уже было 50 лет. И он очень разумно принял другое решение: заняться политэкономией социализма.

Впрочем, я думаю, слово «заняться» не подходит. Скорее всего, он давно уже ею занимался – и как ученый, и как преподаватель. Не мог он не присутствовать при бурных дискуссиях вокруг нового учебника политэкономии, подготовленного Институтом экономики Академии наук СССР по заданию самого Сталина. Скорее всего, у него уже тогда возникли идеи принципиально иной концепции политэкономии социализма. Но в той, присталинской дискуссии он обозначить себя не решился. Вполне разумно – судя по тому, как разносил любых «несогласных» с учебником экономистов Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР» и судя по судьбе одного из объектов сталинской критики – Ярошенко.

Ну а теперь, в хрущевскую оттепель, Цаголов решился выступить. Это был серьезный переход в новую, третью по моему счету нишу – в науку, но наиболее политизированную, наиболее связанную со всей жизнью страны.

Но это не был возврат Цаголова к анализу практики планирования и всего хозяйственного руководства. Уроки тридцатых годов он учел. Вариант, избранный Цаголовым, крайне своеобразен.

Своеобразие выбранного им варианта состояло в том, что практики как таковой он касаться не хотел. В одном из наших разговоров он заметил: «Это практика. А на практике в наших условиях может твориться что угодно. К науке это не относится...»

Цаголов решил абстрагироваться от практики, но без отрыва от ее социалистической сущности. Н.А. Цаголов решил постро-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

ить абстрактную политэкономия социализма. Это позволяло сделать ее и логичной, и непротиворечивой.

Политэкономия социализма в СССР не было. То, что было, в принципе не выходило за пределы задач описания советской экономики и обслуживания экономической политики. Существовавшая политэкономия социализма во много была апологетична и потому вульгарна.

Вспоминаю один наш разговор с Цаголовым. Когда я рассказывал ему о сути моей докторской диссертации, он спросил: «А Вы помните, как отрицательно Сталин отозвался о всеобщей организационной науке?». Я ответил, что конечно, помню. И замечания Ленина о Богданове помню. Они по-своему логичны. И Ленин, и Сталин понимали, что строить социализм в не готовой к нему стране можно только с использованием ничем не ограниченной диктатуры. Мы с вами видим, к чему все это привело. Поэтому, я думаю, вы и хотите выявить объективные законы экономического строя социализма – как обязательные для партии и государства. Цаголов ответил: «Да, это так. А Ваша теория управления где будет?» Я сказал, что исходящая из его объективных законов конкретная практика имеет два «планта» – есть правила и законы самого управления: правила построения структуры управления, правила организации, методы реализации целей и т.д. Они как бы между абстракциями политэкономии и конкретными действиями практики. Они устойчивые. Это наука. Теория управления. Цаголов заметил: «Я сначала думал, что Вы хотите нашу практику руководства объявить наукой, то есть заняться чистой апологетикой. Или хотите дублировать политэкономия. Теперь я Вас понял. Защищайтесь».

Цаголов хотел создать политэкономия социализма, которая не только бы предшествовала практике, но и предопределяла практику.

Удалось ли ему найти нечто объективное, нечто обязательное для хозяйственной практики – об этом в следующем разделе.

2. Политическая экономия социализма Цаголова

Цаголов, с его энергией, активностью, интересом к жизни не мог в науке заниматься чем-то академическим и историческим.

...Опять припоминаю благодарно...»

Но, наученный страшным опытом тридцатых годов, он не мог и не хотел быть частью командного механизма. Поэтому его наука, с одной стороны, не могла быть участником командования экономикой. А с другой стороны, он не мог и не хотел уйти от главных проблем жизни.

Поэтому первой исходной точкой концепции политэкономии социализма Цаголова стал поиск теоретических основ практики хозяйственного руководства. Работать для жизни, но непосредственно не участвовать в ней и оставаться вне ее.

Этот подход исключительно логичен для личности Цаголова. Его подход к концепции политической экономии социализма с абсолютной логичностью отразил ту нишу в социалистическом обществе, которую избрал для себя Цаголов.

Но надо отметить и то, что концепция Цаголова – создать теоретические основы для практики экономики – воплотила одну из особенностей всей политической экономии как науки в XX веке. Все главные ее направления были, в конечном счете, сугубо прикладными по конечным целям: будь то кейнсианство или монетаризм. XX век был столь бурным, что игнорировать эти бури не мог никто. И кейнсианство, и монетаризм, и цаголовская политэкономия – на главном, инструменталистском, направлении экономической теории XX века. В этом смысле концепция Цаголова находилась в главном русле мировой политэкономии.

Цаголов выступил со своей концепцией в качестве первой официально допущенной оппозиции, оппозиции в советской экономической науке (если не вообще первой разрешенной оппозиции в советской общественной науке). Нужны были смелость и огромное мужество, чтобы решиться войти в тот «просвет», который давала, а вернее сказать, сулила хрущевская оттепель после XX съезда.

Выступив с альтернативной официальной концепцией политэкономии социализма, Цаголов как бы утверждал право альтернативности в политэкономии социализма. Но из песни слов не выкинешь. Цаголов направил всю свою энергию не на закрепле-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

ние идеи нескольких концепций (то есть не на закрепление принципа демократии в науке), а на борьбу за утверждение своей концепции в качестве официальной и единственной. Демократия в науке оказалась у Цаголова всего лишь инструментом утверждения своих идей. Очень похоже на то, что мы видели в последние годы.

Можно, конечно, объяснить это желание Цаголова использовать первые же условия оттепели для превращения себя в официоз стремлением взять реванш за свой уход из системы власти в тридцатые годы. Но факт есть факт. Как ни печально, но на опасную ситуацию демократии в одной из общественных наук он мужественно пошел, а вот найти решимость оторваться от своей целевой установки – стать официальной наукой партии и власти – не смог.

Само появление концепции Цаголова, альтернативной официальной версии политэкономии, неразрывно связанной со Сталиным, с его участием в написании учебника политэкономии, было фактически свидетельством недовольства в руководстве партии уровнем экономической науки. Это было косвенное признание банкротства сталинской концепции политэкономии перед лицом бурной эпохи хрущевских преобразований экономики. Политэкономия социализма, созданная для обслуживания экономического руководства, не справлялась с задачей хрущевских реорганизаций. Поэтому само появление концепции Цаголова было свидетельством кризиса и политики, и официальной науки.

Тут полная аналогия с генетикой и кибернетикой, само «допущение» которых в советскую науку уже означало критику того, что в ней уже было. Помню, когда в 1959 году обсуждалась в «Комсомольской правде» наша с Игорем Гирсановым статья о кибернетике в экономике, кто-то сказал: статья не просто «о», это и несомненно «против». Статью опубликовали – все же была обстановка, внушавшая нам надежду, а редакторам – решимость публиковать. Надеялся и Цаголов.

Концепция Цаголова неразрывно связана с главной проблемой всего строя государственного социализма – с руководящей,

командной ролью партии и власти, в конечном счете партийно-государственной бюрократии.

Это командование с самого начала, с решения Ленина **строить** социализм, а не установить его, сбросив оковы старых обветшавших отношений и приведя все в соответствие с давно созревшими в недрах капитализма социалистическими элементами, было обременено неустранимой родовой болезнью субъективизма и волонтаризма.

Цаголов участвовал сам в разработке второй пятилетки и хорошо знал, что такое субъективизм и волонтаризм. Репрессии тридцатых были всего лишь одной из черт командной системы, присвоившей себе право навязать стране социализм. Уничтожение старой Волги, затопление миллионов гектаров плодородной земли по ходу ее течения, создание водохранилищ при строительстве ГЭС – все тот же произвол, все те же репрессии, но уже в отношении природы. Все это разные стороны одного и того же волонтаризма.

Цаголов безусловно хотел создать такую политэкономия социализма, которая дала бы руководству **объективные** основы. Планомерность, которую он выдвигал, означала не только «сознательное поддерживаемую», то есть нечто субъективное, но и нечто объективное – «пропорциональность».

Это объективное, нечто предшествовавшее сознательной воле, включало у Цаголова не только поиск исходной ячейки, фундамента науки, но и ее логику. Логичность в науке (и это понимал Цаголов) – это уже объективность. Ведь законы логики – отражение объективного мира.

Заслуга концепции Цаголова в том, что она **и четко определила главную болезнь советского социализма, и назвала способ лечения**. Другое дело, что этот способ был в принципе нереализуем.

Конечная установка концепции Цаголова «на практику» проявилась и в том, что концепция была тесно увязана с созданием **учебника**.

С одной стороны, ориентация на учебник прикрывала и защищала сугубо научный поиск. Я заведу кафедру, мне надо

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

учить будущих преподавателей, вот я и работаю над учебником политэкономии. Заяви Цаголов более амбициозные претензии – еще неизвестно, «вместился» бы он в далеко не просторные рамки хрущевской оттепели.

Но учебник в советской системе (и мне не раз приходилось объяснять это на Западе) – это нечто неизвестное там. Это ведь официально навязанный сотням и тысячам вузов и техникумов курс, обязательный и для преподавателей, и для студентов. Поэтому учебник – и Цаголов это хорошо понимал – становится и обязательной версией политэкономии. Через учебник эту версию должны усвоить будущие специалисты всех профилей.

Учебник имеет готовый механизм внедрения. Он – через Министерство высшего и среднего образования – сразу становится обязательным. Концепция, реализованная в учебнике, тут же внедряется – без того сложного этапа, который был бы неизбежен, готовь Цаголов какой-либо доклад и рекомендации в своем бывшем Институте экономики.

Должен честно признаться, что когда я думал о формировании теории управления социалистическим производством, я выбрал путь Цаголова – организовать всю работу над теорией в рамках написания учебника. Мне удалось больше, чем Цаголову, – мои учебники утвердил и распространил по всей стране ЦК КПСС, который организовывал Систему Экономического Образования миллионов руководителей и специалистов и принял версию нашей кафедры для той части образования, которая касалась руководства. Так что мои представления о теории управления воплощались через учебник – и это было мое сознательное освоение блестящей идеи Цаголова о «науке через учебник». Конечно, учебник не только помогает, но и мешает разработке концепции науки. Его надо в сроки представить, его надо немедленно публиковать. Но все же преимуществ больше, чем негатива.

Я потом не раз думал, что Н.А. Цаголов что-то упустил, когда ЦК создавал Систему Экономического Образования в стране. Возможно – и это было вполне реально – убедить ЦК КПСС

утвердить в списке предметов СЭО и политэкономии. И тогда он взял бы Министерство образования «с тыла».

В концепции Цаголова был еще один существенный аспект. Цаголов настойчиво возрождал Маркса, который в «Капитале» утверждал идею «клеточки» в политэкономии. Цаголов перенес эту идею и в политэкономии социализма. Этот упор на «возрождение» исходного в марксизме, на «очищение» его от «наносов» фактически тоже был критикой как официальной науки, так и практики «реального социализма».

Судьба концепции Цаголова оказалась predeterminedенной тремя фундаментальными обстоятельствами.

Первое связано с ее исходной основой. Она исходила из того базиса, который дала классическая политэкономия. Ведь Маркс – всего лишь одна из версий «классики». Этот базис – трудовая теория стоимости. А эта теория – продолжение вещного материализма XVIII века. Все в этом материализме – и, собственно, в классической политэкономии – связано с вещами, с собственностью на них, с возможностью их отчуждения от производителей.

XX век превратил интеллигенцию – и по роли, и по численности в обществе – в главную часть общества. А умственный труд – в главный вид труда. Информационный продукт этого труда не может быть отчуждаем: сколько бы информации ни уходило от меня к другим, у меня она остается, я ее не теряю. Поэтому все политэкономические теории, ориентированные на физический труд, на вещи, на собственность, оказались в XX веке недостаточными.

Экономические теории полезности уже пытались смягчить, преодолеть этот фундамент классической политэкономии.

Цаголов тоже сделал свой шаг от классика – у него собственность перестала быть основой. Опыт национализации в годы революции показал, что от смены вывески «Морозовская ткацкая фабрика» на «государственная» много что изменялось. И Цаголов на первую роль выдвигает уже не непосредственно вещное – не товар (как Маркс), не собственность (как официальная наука), а нечто новое – планомерность. Но к пониманию

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

устарелости всей трудовой теории стоимости концепция Цаголова не подошла.

В новой России собственность изменилась, вывески опять поменяли, но, как в свое время большевики после революции 1917-го, наши реформаторы только убедились, что всего этого совершенно недостаточно.

Когда я наблюдал тот упор на приватизацию, которую делали младореформаторы – я всегда вспоминал и преклонение советской науки перед собственностью, и Н.А. Цаголова с его критикой концепции ведущей роли собственности. Думаю, что в этом убедились и иные олигархи: собственность они захватили, а из страны пришлось бежать.

Фетишизацию собственности Цаголов преодолел – я принял эту его позицию. Но отойти от ограниченности трудовой теории стоимости он не смог.

Вторая неверная основа концепции Цаголова: она принимала как должное саму ленинско-сталинскую идею «строительства» социализма. Само право командовать Цаголов не отвергал, он искал научные основы для него.

Все главные ошибки Ленина – в отношении несовместимости мелкого производства с прогрессом производительных сил, в отношении готовности капитализма к социализму (за эту «готовность» Ленин принял вызванные империалистической войной формы огосударствления экономики и государственного регулирования экономики) – концепция Цаголова тоже не оспаривала. Она молчаливо предполагала, как аксиому, не требующую доказательств, что из общего кризиса капитализма следует именно социализм, а не какой-то иной, более соответствующий уровню развития производительных сил строй.

И наконец, третье. Цаголов конструировал, то есть выдумывал социализм как систему. Цаголов не раз подчеркивал, что при этом абстрагируется от практики реального социализма. Это был – тут Цаголов прав – единственно возможный путь увести политэкономия социализма от волюнтаризма к логически непротиворечивой конструкции. Но если абстрагирование Мар-

кса шло от реальности, то абстрагирование Цаголова было гегелевским: оно брало свою идею и развертывало ее по законам логики. При таком абстрагировании не могло появиться ничего иного, кроме **нового варианта утопического социализма**. Логичность абстракции Цаголова достигнута переходом в нечто придуманное, то есть в сферу утопии.

В историю теории утопического социализма концепция политэкономии социализма Цаголова, безусловно, внесла свой вклад. Экономика всех социалистических утопий – всего лишь остров или город. А у Цаголова появляется утопичная модель для масштабов всей страны, со всей сложностью этого гиганта. Концепция Цаголова – это **первый вариант идей утопического социализма народно-хозяйственного масштаба**. Поэтому все социалистические идеи XXI века обязательно будут учитывать народно-хозяйственную концепцию социалистической утопии Цаголова.

Но в столкновении с реальным социализмом, абсолютно беспринципным и готовым менять взгляды чаще, чем перчатки, утопическая модель экономики Цаголова не могла не потерпеть поражения, несмотря на всю талантливость и всю энергию ее творца. Концепция Цаголова была побеждена не эпохой реформ – ее подавил реальный социализм. Обратимся к этой поучительной истории.

3. Цаголов на кафедре политэкономии

Цаголов пришел на кафедру политэкономии экономического факультета МГУ уже сложившимся ученым, перешедшим пятидесятилетний рубеж человеком. Он пришел на кафедру, которая создана была задолго до него и имела сложившийся коллектив – в основном доцентов, выпускников самого факультета, воспитанных на изучении и преподавании «Капитала» Маркса. Профессоров почти не было – их приглашали в качестве совместителей.

Успех Цаголова на кафедре был связан с несколькими обстоятельствами. Во-первых, умением отобрать и сохранить лучшие

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

традиции. Во-вторых, перемещением центра тяжести на современность, на политэкономия социализма. В-третьих, наличием у него концепции политэкономии социализма, оказавшейся близкой большинству коллектива кафедры. В-четвертых, талантом выдающегося организатора науки, умением создавать команду.

Сначала о традициях. Политэкономия на нашем факультете изучалась не столько на лекциях, сколько на семинарах, в особенности на блестящей находке факультета – на спецсеминарах по «Капиталу», которые и вели ведущие доценты кафедры. Традиция эта, думаю, перешла еще из Института красной профессуры, а в него – из подпольных, полуполигальных и легальных кружков по изучению «Капитала» в дореволюционные времена. Кружки с самого начала исходили из добровольности участников, принципов самообучения и держались увлеченностью. Вот эти качества и удалось сохранить. К тому же факультет сберег от эпохи тридцатых годов «Комментарии к «Капиталу» Маркса», созданные легендарным Розенбергом в основном на базе своего дореволюционного опыта изучения «Капитала» в кружках. Семинары давали главное – понимание того, что такое система и какова ее внутренняя логика. Этот навык мы сохранили на всю жизнь, чем бы мы ни занимались. Цаголов понял значение спецсеминаров и сохранил их как главную форму изучения политэкономии.

Второй фактор его успеха как заведующего кафедрой – перемещение центра тяжести на политэкономия социализма. До Цагорова основой считалось изучение «Капитала», дополненное изучением ленинского «Империализма как высшей стадии капитализма». Политэкономия социализма – хотя уже вышел учебник, подготовленный по заданию Сталина и ориентированный на сталинские «Экономические проблемы социализма в СССР» – все же считалась чем-то сиюминутным, поверхностным, сферой скорее пропагандистской и агитационной, чем наукой.

Цаголов не стал уверять, что политэкономия социализма уже стала наукой. Он подчеркивал, что нет другого выхода, как

создавать эту науку. Без своей политэкономии социализм обойтись не может.

Цаголов не просто сохранил традиции – он дал старт и указал пути новой работы. Это особенно было важно для доцентов средних лет. Они давно чувствовали, что, повторяя Розенберга, ни доктором, ни профессором не стать. А при ориентации на политэкономия социализма возникла перспектива: и научная, и личностная.

Третий фактор, думаю, был наиболее важным. Цаголов пришел на кафедру со сложившейся у него концепцией политэкономии социализма. Именно эту концепцию отверг Институт экономики Академии наук СССР, где раньше работал Цаголов. Именно тут предпочли назначить руководителем отдела политэкономии А.А. Кронрода. И Цаголову ничего не оставалось, как перейти в МГУ. Но не просто из-за обиды (хотя обида осталась на всю жизнь), а для того, чтобы найти поле для реализации своей концепции.

Я думаю, что первое и главное для всякого лидера – иметь свою концепцию. Это может быть новая идея – как у Маркса. Это может быть идея исключительной верности уже имеющейся концепции – как у Сталина по отношению к Ленину. Но без концепции лидер практически не в состоянии ни найти сторонников, ни сплотить их.

Цаголов жил в стране, где не только для политического лидера, но и для ученого, выдвигавшего новую идею, наиболее вероятной перспективой была работа в лагерях.

Но идея для лидерства нужна. И Цаголов нашел, на мой взгляд, блестящее решение: с одной стороны, выразил в своей идее особую преданность существованию марксизма и, с другой стороны, при этом обозначил свое понимание, дал свои интерпретации экономической теории социализма.

Сама возможность говорить об особой концепции могла возникнуть только после XX съезда. Хрущевская оттепель сказалась на многих участках (скажем, начали публиковать А.И. Солженицына, появилась возможность заговорить о репрессиях и чистках и т.д.). В нашей сфере, в области экономиче-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

ской науки, одним из проявления оттепели стало решение разрешить разработку трех вариантов нового учебника политэкономии. Один из них ориентировался на декларацию Цаголова о своей концепции и о желании ее реализовать.

Именно особая концепция, а не пост завкафедрой, чье-то покровительство или связи, и **сделала Цаголова многолетним бессменным лидером** – именно лидером – кафедры политэкономии.

И, наконец, последнее. У Цаголова талант исследователя, теоретика оказался тесно связан с талантом организатора вообще, организатора науки в частности и тогда еще абсолютно нового типа – организатора в сфере общественной науки.

Не знаю даже, чего в Цаголове было больше – теоретика или организатора. Вообще-то, как я уже писал, в других условиях из Цаголова скорее всего сформировался бы выдающийся политический лидер, практический деятель общенационального масштаба.

Во времена французской и русской революций низшие офицеры быстро становились генералами и маршалами. Не будь революции во Франции, мы никогда не узнали бы, что среди парикмахеров страны были маршалы. Один из умных деятелей царизма как-то заметил о Белинском, что он за неимением в России возможности бунтовать на площадях бунтовал в журналах. Так и в советское время. Советская эпоха рассовала по самым невероятным углам, в том числе и в науку, тысячи и тысячи потенциальных гениев политики, парламентаризма, бизнеса. А потом мы удивлялись, что звезды нашего бизнеса вырастали из самых неожиданных областей.

Так вот у Цаголова было все, что нужно лидеру. Умение выделить свою концепцию – об этом я уже писал. Второе качество лидера – умение оценивать кадры и формировать для себя команду. Мы видели выдающихся творцов команды: и Сталина, и Брежнева. Но мы видели и тех, кто команды создавать не умел, – Хрущева, Горбачева, Ельцина.

Цаголов систематически, год за годом формировал команду. И критерием были не субъективные пристрастия, а главное –

умение ученого разрабатывать концепцию, умение ее пропагандировать и – что существенно – умение ее грамотно защищать. Защищать и в науке, и во всех других «инстанциях».

Цаголов оставлял на кафедре безусловно одаренных и талантливых людей. Кафедра – это его фактический соавтор. Но с годами я все отчетливее понимал, что в отборе Цагорова присутствуют некоторые четкие тенденции.

Во-первых, Цаголов избегал людей, склонных к выдвижению целостных концепций. Их в своем узком кругу ученых называют демиургами. Цаголов таких «системосоздающих» легко распознавал. Цаголов, видимо, считал, что в новых концепциях кафедра не нуждается.

Во-вторых, Цаголов избегал тех, у кого явно были выражены вождистские наклонности. Их Цаголов тоже легко идентифицировал. И он постоянно «сплавлял» их на руководящие посты за пределы кафедры – вплоть до ЦК КПСС. И здесь, видимо, Цаголов считал, что во втором лидере кафедра не нуждается.

Цаголов долгие годы категорически замыкал на себя все внешние контакты кафедры. Да и потом, когда уже по состоянию здоровья ему неизбежно приходилось кого-то посылать вместо себя «наверх», он делал это и редко, и неохотно. Он считал, что у его кафедры должно быть одно лицо – его собственное.

Но и те, кто уходил (и это я тоже заметил), на новых местах в лучшем случае «держались». Они так привыкли жить под «крышей» Цагорова, что на самостоятельных постах отличиться не могли.

Эта кадровая линия Цагорова, думаю, коренилась в следующих двух обстоятельствах.

Первое. В советских структурах, где положение руководителя целиком зависело от «верха», было крайне опасно иметь в заместителях готового преемника. Всегда – а с годами тем более – растет число и обиженных, и завистников, и врагов. Да и чем устойчивее и успешнее руководитель, тем с большей опаской смотрят на него «верхи» – как на потенциального конкурента. И

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

если есть кем заменить, соблазн сделать это очень велик. Поэтому опытные советские руководители с большой «тонкостью» и «изыществом» вели дела так, что в любой момент их снятие ухудшило бы работу и на снявшего легла бы ответственность за это ухудшение.

Второе – это чисто кавказская ревность и нелюбовь к равным себе (не говоря уж о тех, кто умнее). Я не раз отмечал это у руководителей «кавказского» менталитета. Казбек или Эльбрус должны стоять в одиночестве – тем больше впечатлений от их величия.

Сложным искусством выращивания равных себе – и даже более значительных – лидеров Цаголов или не владел, или не считал нужным его демонстрировать. Цаголов был далек от того типа лидеров, которые, как Христос, оставляют после себя когорту апостолов, фактически создающих (как Павел) его учение. Цаголов не достиг даже уровня Петра I, хотя бы взрастившего плеяду славных «птенцов гнезда Петрова» (правда, славных только при нем и оказавшихся совершенно неспособными вести дело после него, о чем недавняя пьеса Горина «Шут Балакирев», талантливо поставленная Марком Захаровым).

Умение работать с самостоятельными людьми, умение видеть в них фактор укрепления дела в целом, умение выделить им «огород», где они могли бы быть хозяевами и проявить себя, умение вовремя передвигать их на новые участки, чтобы они не застаивались и не начали «копать» под своего лидера – это и многое другое Цаголов как руководитель кафедры не продемонстрировал.

Проводимая много лет (собственно, десятилетия), эта линия в конце концов, когда Цаголов стал стареть, начала выступать как фактор, ослабляющий кафедру.

Но как бы то ни было, теоретическая концепция Цаголова была подкреплена созданием творческого коллектива кафедры. Эта команда была готова и к научной, и к педагогической, и к организационной работе. Без Цаголова эта структура не могла эффективно работать, но при нем это была грозная сила.

Я пишу о недостатках Цаголова не для того, чтобы умалить его достоинства. Просто «так это было на земле», как говорил Твардовский.

Как специалист теории управления я не раз и не два восхищался Цаголовым-организатором, Цаголовым-лидером. Я поэтому с полным правом числю и его среди тех, кто помогал мне в моих обобщениях по теории управления. Среди своих учителей по управлению – именно по управлению – я числю и Николая Александровича. Тем более что помимо кафедры были и другие области, где блистал талант Цаголова-руководителя.

4. Цаголов на экономическом факультете

Цаголов выбрал кафедру политэкономии экономического факультета МГУ в том числе и потому, что в то время наш факультет целиком был ориентирован на подготовку специалистов по политической экономии. Именно в те годы в дипломе выпускника появилась и дополнительная запись, уточняющая нашу специальность – «преподаватель политической экономии». За это уточнение – преподаватель политической экономии – пришлось долго воевать, в том числе и нам, тогдашним студентам.

Цаголов хотел (и вполне разумно), чтобы не только кафедра политэкономии, но и весь факультет органически был бы единым ансамблем. Это придавало бы больший вес его кафедре.

В работе с факультетом Цаголов тоже продемонстрировал качества крупного руководителя.

Есть лидеры, которые пытаются сами контролировать значительные объемы работы и многих подчиненных. В ряде случаев этот подход оправдан.

Но есть и другие руководители – они ищут одного, ведущего человека, «второе «я». Подбирают его очень тщательно. Проверяют. Убеждаются в его умении «держат в руках» весь участок. И ограничиваются контролем над этим единственным лидером.

Цаголов явно хотел идти по второму пути. Но трудность состояла в том, что естественный лидер факультета – декан –

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

формально был его начальником. Поэтому надо было найти такого декана, который сочетал бы два качества – умел бы руководить факультетом и одновременно был бы «вторым «я» самого Цаголова.

И надо отдать должное – Цаголов нашел такого декана. Это был Михаил Васильевич Солодков.

Солодков был одним из крупных лидеров и факультета, и МГУ в целом. Солодков – участник войны, инвалид. Он имел и огромный жизненный опыт, и опыт руководства. В том числе и такого сложного, при котором работают совершенно разные по менталитету люди из разных наук – от физиков до филологов. На факультете он был и секретарем партбюро, и заместителем декана. В МГУ он в конце концов стал секретарем всей многотысячной парторганизации. По влиятельности в Москве и стране это был очень важный пост. Работая в Комитете комсомола МГУ, избираясь и членом бюро, и секретарем комитета, я могу сказать, что и ЦК ВЛКСМ, и МГК напрямую «выходили» на университет. Сходная картина была и с парткомом МГУ.

Сомнений в том, что Солодков будет эффективно руководить факультетом, не было. Проблема была в другом – как сделать Солодкова зависимым от Цаголова. Цаголов сумел решить эту проблему.

Прежде всего Солодков не имел своей особой теоретической концепции политэкономии социализма. Но он был очень грамотным политэкономом. Я с огромным удовольствием работал в его семинарах. Правда, однажды произошел такой случай. Я пришел на семинар, не подготовившись, и сослался на перегрузки по комсомольской работе – мы готовили первый выезд студентов на целину. На занятии Солодков ничего не сказал, а в перерыве отозвал меня и заметил: «Это твое дело. Многие активисты хотят уйти в партийный или комсомольский аппарат и забывают об учебе. Но я всегда считал иначе. Всегда надо быть в своем деле первым или одним из первых – и только на такой основе можно быть настоящим лидером. Так я поступал в армии. Так поступаю в МГУ. Я на все занятия иду, прочитав все,

...Опять припоминаю благодарно...»

что можно. Тебе не стоит идти по пути тех, кто избрал карьеру «общественника» и заменять ею учебу. Занимайся и занимайся...» Урок этот я усвоил и занимался так, что когда пришло время делать выбор между работой в ЦК ВЛКСМ и аспирантурой, я выбрал аспирантуру (правда, при поддержке тогдашнего секретаря ЦК Лена Карпинского, уже осознавшего, что Хрущев заходит сам и заводит страну в тупик и что в аппарате делать нечего).

Эти два качества – научная грамотность и отсутствие своей концепции – привели к тому, что Солодков мог стать – и стал – настоящим идейным союзником Цаголова.

Далее Солодков в своей карьере вошел в стадию пробуксовки. Многие годы он явно хотел идти «вверх»: в аппарат горкома или ЦК. И имел на это все основания. Но и на нем сказался начавшийся тупик хрущевского десятилетия. Поэтому в партработе все больше заботились о «галочках», все чаще дело подменялось формализмом. Вот Хрущев, отбиваясь от нападков коллег по Политбюро по поводу Фурцевой, провозгласил курс: везде среди секретарей надо иметь женщин. И когда освободился пост секретаря Московского горкома партии по идеологии, кандидатуру Солодкова не утвердили – нужна женщина. Но Солодков, как человек умный, понял, что дело не только в этом мотиве – видимо, те, кто его предлагал руководству КПСС, или сами не очень его хотели, или у этого руководства нашлись свои доводы против. И Солодков решил завершить парткарьеру, перейдя на пост декана нашего факультета. В чем нам повезло, хотя сам он в душе был очень обижен.

Пост декана его устраивал, но по традициям МГУ декан должен был быть если не доктором наук, то хотя бы «холодным» профессором (профессором, получившим свое звание, не имея степени доктора наук).

На этом «комплексе» и сыграл Цаголов. Он взял на себя всю работу по присвоению звания профессора Солодкову. И по «пробиванию» этого вопроса через массу инстанций – и в МГУ, и в Министерстве высшего образования, при котором работала

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Высшая аттестационная комиссия (ВАК). Дело было очень непростое, так как Солодков был человек прямой и жесткий и за время партработы заимел немало врагов или просто недоброжелателей. За ряд лет с проблемой профессорства Солодкова Цаголов справился.

Потом он помогал Солодкову создать на факультете для себя кафедру. Затем все же защитить докторскую диссертацию.

В итоге не менее 5–8 лет Солодков видел в Цаголове прочного союзника. А Солодков умел быть благодарным и все свои связи в партаппарате использовал для укрепления позиции Цаголова.

Так Цаголов, практически занимаясь одним человеком, фактически взял под контроль весь факультет.

Другая область усилий Цаголова – руководители кафедр факультета.

Подход Цаголова к тому, кого факультет и МГУ будут назначать заведующими кафедрами, оказался неожиданным. Если на своей кафедре Цаголов тщательно избегал ярких «звезд», то для других кафедр он думал именно о «звездах». За исключением одного-двух постов, на кафедры факультета пришли – благодаря Солодкову и Цаголову, стоявшему за ним, – действительно яркие ученые.

Правда, определенные ограничения Цаголов соблюдал: новые заведующие должны были быть лично с ним «сочетаемы». Эту личную «стыковку» Цаголов настолько ценил, что порой шел на назначение ученых, не согласных с его концепцией, но лично к нему абсолютно лояльных.

Такая линия Цаголова была очень удачной еще и потому, что ректор МГУ, академик Иван Георгиевич Петровский, считал посты заведующими кафедрами своей «номенклатурой» и следил за тем, чтобы факультеты выдвигали на них действительно известных и при этом прогрессивно мыслящих ученых.

В итоге у нас на факультете появились в качестве заведующих Л.Я. Берри, В.С. Немчинов, Л.А. Костин, С.С. Шаталин, А.И. Анчишкин, Т.С. Хачатуров, Д.И. Валентей, Г.А. Егиазарян, А.Д. Шеремет.

...Опять припоминаю благодарно...»

Да и я сам стал заведующим кафедрой в качестве «итога» усилий трех сил: Солодкова (который, как я упоминал, был моим учителем), Цаголова, который всегда хорошо ко мне относился, и в значительной мере И.Г. Петровского. Сложность состояла в том, что саму кафедру управления надо было создавать впервые в МГУ. Другая проблема – возраст. Я был самым молодым доктором экономических наук в стране. И тридцатипятилетний заведующий – это было нечто нестандартное для МГУ. Тем не менее Солодков и Цаголов меня выдвинули. И тут решающей стала позиция И.Г. Петровского.

Давным-давно, еще на втором курсе, в Комитете комсомола МГУ мне поручили быть председателем комиссии, разбиравшей «дело биологов». Пользуясь XX съездом партии, генетики биофака начали брать реванш у «мичуринцев». Все это захлестнуло и комсомол биофака. Поэтому наша разборка комсомольцев легко могла стать толчком для разборок и по партийной, и по административной линии. Видимо, поэтому на заседание бюро Комитета ВЛКСМ (наш комитет имел права райкома) пришел и И.Г. Петровский, и секретарь парткома К.А. Салищев. Я во всем детально разобрался, сделал аргументированный доклад и завершил его выводом: ничего, лежащего в идейной и политической плоскости нет, а в научные споры в области естественной науки комсомол вмешиваться не должен. Как всегда дремавший Петровский вдруг открыл глаза и очень напряженно на меня смотрел. Не менее напряженно смотрел и профессор К.А. Салищев. Бюро согласилось со мной, никого из комсомола не исключили – ведь только что состоялся XX съезд. А Петровский и Салищев долгие годы – до конца своей жизни – и следили за мной, и помогали во всех делах: меня оставили в МГУ, дали московскую прописку и т.д. И идея о создании кафедры для меня получила поддержку ректора Петровского.

И все же, несмотря на контроль И.Г. Петровского, главный вклад в назначение на посты заведующих ярких ученых внесли именно Цаголов и Солодков. На них, конечно же, давили знако-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

мые, толкали «своих». Но они в основном стойко вели свою линию.

Думаю, что и тут Цаголов был последователен. Чтобы факультет придавал вес кафедре политэкономии, этот факультет должен блистать.

Главную задачу – сделать экономический факультет МГУ уважаемым и авторитетным учебным и научным учреждением и тем самым существенно подкрепить и свою кафедру, и свою концепцию Цаголов решил.

5. Победа над Институтом экономики

В МГУ помимо кафедры политэкономии экфака, цаголовской, было еще три кафедры политэкономии: кафедра естественных факультетов, кафедра гуманитарных факультетов, кафедра Института повышения квалификации. По численности они были равны кафедре Цаголова (если не превышали).

Цаголов, конечно же, попытался взять под контроль и эти кафедры. Но эти кафедры искусно маневрировали между Цаголовым и теми программами курсов политэкономии, которые им утвердило Министерство высшего образования (т.е. ЦК КПСС). Отношения у них с Цаголовым были хорошие, но политэкономия они читали какую-то среднюю между цаголовской и минвузовской.

Цаголов понимал, что если даже в самом МГУ не удается победить, то надо добиться перелома «наверху».

Надо отдать должное Николаю Александровичу – он всегда умел определить и точку главного удара, и наиболее слабое звено противника.

Такой «точкой» был тот самый Институт экономики Академии наук СССР, из которого Цаголов ушел в МГУ. Этот центр оказался и наиболее слабым звеном.

Отдел политэкономии института, возглавляемый Кронродом, не смог чем-то себя зарекомендовать. Желających объяснять экономическую политику КПСС в стране хватало и без него. А вот весомых теоретически обоснованных рекомендаций от института не поступало.

Между тем дела в экономике страны шли все хуже, и надо было искать объяснения. Косыгинская экономическая реформа, обеспечив ситуационные улучшения, сошла на нет. И из-за своей внутренней непоследовательности и противоречивости, и из-за опасений руководства КПСС, что реформа приведет страну к тем же последствиям, которые имели место в Чехословакии.

Попытки что-то менять предпринимались. Был подготовлен комплекс мер по ускорению научно-технического прогресса. Но все осталось на бумаге: у Брежнева случился очередной инфаркт, и лидеры стали думать не о содержании политики, а о ее кадровом и лидерском аспектах.

Создалась ситуация, позволяющая Цаголову решить две взаимосвязанные задачи: сделать свою концепцию политэкономии социализма официально принятой и победить главного конкурента – Институт экономики.

Цаголов прекрасно знал законы партийно-государственной бюрократической машины. И он начал с выдвижения на важные посты в идеологических отделах, в отделах науки и вузов в Московском горкоме партии, в Министерстве высшего образования, в ЦК КПСС работников, близких Цаголову по взглядам или просто из его школы.

Ориентируясь в аппаратных играх, Цаголов выходил и на вновь назначенных руководителей. Он понимал, что им нужно немедленно чем-то о себе заявить, доказать правильность своего назначения. Материалы с цаголовской критикой и цаголовскими предложениями оказывались очень кстати.

Помню, как все чаще и чаще в самых различных структурах я слышал добрые отзывы о Цаголове – как только там узнавали, что я с экономического факультета МГУ. Ну а когда в Совете по кибернетике АН СССР академика А.И. Берга от одного из его заместителей, хорошо известного в некоторых кругах контр-адмирала я услышал, что в таком-то вопросе прав Цаголов, а не экономисты из их же академии, я понял, что плацдарм у Николая Александровича подготовлен.

Все было оформлено как подготовка постановления ЦК КПСС о работе Института экономики.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

В отделе науки ЦК КПСС создали новый сектор – сектор экономической науки. Руководителем сектора стал профессор П.А. Скипетров, близкий по взглядам Н.А. Цаголову.

Сектор должен был «обозначить» себя. А обозначить себя в партаппарате ЦК КПСС можно было наиболее испытанным способом: секретариат ЦК КПСС должен принять постановление по вопросу, который подготовил сектор. Это было признание сектора, и потом лет пять можно было «питаться» этим постановлением, организуя его реализацию.

Сектор хотел, чтобы Секретариат ЦК КПСС принял постановление – это понятно. Но почему темой этого постановления сделали Институт экономики? Думаю, тут было два обстоятельства.

Первое – это неготовность Института экономики предложить что-то новое.

Помню, перед очередным съездом партии готовился доклад А.И. Косыгина по пятилетке. Оставалось один-два дня. Нас, тех, кто помогал, уже и домой не отпустили – спали мы на диванах в Кремле. И вот в самый разгар работы, когда руководивший «доводкой» председатель ЦСУ СССР Старовский шел по тексту со своей меркой – «вычеркнутая фраза ошибок не содержит», помощника А.И. Косыгина Карпова позвали к телефону. Оказывается, работавшая на какой-то даче группа ученых Академии наук хотела задать несколько вопросов, чтобы завершить свою работу. Карпов еле сдержался, сказав «сейчас некогда», а потом разразился матом – весьма нетипичным для этого очень воспитанного и очень вежливого человека (у Косыгина работали такие кадры). Институт экономики со своими бумагами опоздал катастрофически. И так повторялось не раз.

Другое обстоятельство состояло в следующем. Болезнь Л.И. Брежнева обострила вопрос о его преемнике. Все готовились к схватке: сплывались идейно, сплывались организационно, увязывались лично.

Разумеется, базой этих процессов не могли быть действительно важные аспекты. Борьба шла «под ковром». Нередко по

...Опять припоминаю благодарно...»

совершенно третьестепенным вопросам. Я не раз удивлялся: вопрос яйца выеденного не стоит, а копыта ломаются беспощадно. Я потом понял: тут что-то не то. На деле идет какой-то другой процесс. Не решаясь прямо спрашивать, ты с кем, задавали другие, косвенные вопросы. Словом, как в популярной шутке тех лет: а вы против кого дружите?

Одной из «лакмусовых бумажек» стал еврейский вопрос. Брежнева и его группу считали украинской, точнее, днепропетровской с сильной еврейской составляющей. Поражение любимого союзника СССР – арабов – в войне с Израилем не могло не вызвать среди части лидеров антиеврейские настроения. К тому же кто-то в армии и военно-промышленном комплексе (где КБ и институты всегда грызлись как собаки) попытался объяснить более худшие, чем у израильской армии, результаты не только тем, что арабы не умеют применять наше хорошее оружие, но и тем, что кто-то из евреев в нашем военно-промышленном комплексе и в армии (упоминали какую-то секретаршу генерала Павловского) передал Израилю технические данные нашего оружия.

Как бы то ни было, это было время очевидного всплеска антисемитизма. Захлестнул он и науку, и вузы. Так как схема везде была очень сходная, я склонен думать о наличии какого-то общего координационного центра.

Схема была такая. Сначала в организации – НИИ или вузе – возбуждали конфликт между ведущими, обычно конкурирующими друг с другом, учеными-евреями. Затем партаппарат посылал комиссию. Она делала вывод, и в организацию направлялся новый начальник. Он сначала изгонял более слабую еврейскую группу (или тех, кого он называл группой), а спустя некоторое время изгонял уже и вроде бы победителей.

По этой нехитрой схеме действовали в Московском институте народного хозяйства имени Плеханова (где спорили А.М. Бирман и С.Е. Каменицер), во Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте. По этой же схеме решили действовать и в Институте экономики.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

В институте шла схватка действующего директора Л.М. Гатовского с противниками, которые, по их мнению, из-за него не могут попасть ни в члены-корреспонденты, ни в действительные члены Академии. Л.М. Гатовский, как шутил один доктор, оказался великим организатором – в ненависти к себе он сплотил весь коллектив. Противники хотели заменить директора. Кандидат был – один из замов Гатовского. По документам он был русский, но его мама была еврейкой. Кстати, это была типичная форма сопротивления антисемитизму: выдвигали на пост не еврея, по существу солидарного с евреями (по идеям, а то и по крови).

Вот ЦК и воспользовался атаками на Гатовского, чтобы послать в Институт экономики комиссию.

Цаголов очень умно сам в комиссию не вошел. Комиссию возглавил наш декан М.В. Солодков. И весь состав комиссии означал, что она будет «процаголовской».

Комиссия подготовила разгромную справку. Это было трудно. Институт экономики был типичным кооперативом «надомников». Известные ученые писали дома или в библиотеках книги. В институт – где даже один стол приходился на двух человек – приходили в «явочные дни» пообщаться. Если у сотрудника раз в три года выходила книга – значит, у него все в порядке. Книги были в основном неплохие, порой даже отличные, но какие-либо проекты и рекомендации при такой организации дела получить было трудно.

Я тоже входил в состав этой комиссии. У меня к Институту экономики были свои счеты. Он – как я считал – не давал должного отпора наступлению Центрального экономико-математического института. А ЦЭМИ сначала вообще чуть ли не солидаризировался с моделью полной «АСУнизации» страны академика В.М. Глушкова (модель предполагала замену всего аппарата управления экономикой сетью автоматизированных центров – АСУ). Потом ЦЭМИ перешел к другой модели – СОФЭ, где все планирование и управление заменяла сложно взаимодействующая иерархия математических моделей. Я как

сторонник других взглядов по управлению считал СОФЭ и АСУ главными опасностями, чем-то вроде «электронного фашизма». И, естественно, негодовал на Институт экономики, который первым должен был бороться со всем этим.

В Институте экономики значительную часть ведущих ученых составляли евреи, и разбор института неизбежно принимал антисемитскую окраску.

В постановлении ЦК КПСС институт был резко раскритикован. Новый директор был назначен со стороны – Е.И. Капустин. Первым его заместителем и руководителем отдела политэкономии стал заместитель Цаголова по кафедре – думаю, что лучший из его сотрудников и соавторов – профессор В.Н. Черковец.

В общем, Цаголов мог торжествовать. Реванш за его обиды состоялся. Появилась и стартовая площадка для победного наступления. Казалось бы, после такого разгрома будут естественные следствия: захват Минвуза, принятие программы политэкономии для вузов «в духе Цаголова», захват журналов, советов по защитах – словом все то, что происходило, скажем, после разгрома генетиков и победы лысенковцев в биологии.

Но ничего кардинального не произошло. Стратегическая победа Цаголова не была ни развернута в цепь тактических успехов, ни даже закреплена. Почему?

Думаю, главными были несколько факторов.

Первый – сам Цаголов. Он мог отпустить ту или иную антиеврейскую шутку. Но в целом он не был антисемитом. Да и не мог им быть – как настоящий интеллигент. Думаю, что ему не мог не претить «национальный аспект», которым кое-кто настойчиво пытался пронизать научную дискуссию. Далее, Цаголов недавно женился, родилась дочь, и семья – очень, на мой взгляд, удачная – все же его отвлекала от той огромной организационной работы, которая была нужна для реализации успеха. И, наконец, здоровье. Цаголову уже было семьдесят лет, и это не могло не сказываться.

Второй фактор – и нехватка кадров цаголовской школы, и, как я отмечал, их особенности. Выраставшие за спиной Цаго-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

лова, они, назначенные на самостоятельные посты, работали не на том уровне, которого требовали эти посты. К самостоятельному плаванию моряки с корабля Цаголова оказались не очень готовы, какой бы хорошей командой они ни были под крылом своего капитана.

Третье обстоятельство – научное. Рекомендации школы Цаголова касались во многом того, как преподавать политэкономии. Выводов о том, как руководить страной, было мало. Общие декларации и заявления. Когда дело дошло до ситуации (хорошо, слушаем вас, предлагайте), начал сказываться абстрактно теоретический подход. От вроде бы правильной «идеальной» схемы путей к реальной жизни не находили.

И все же главным я считаю четвертое обстоятельство.

На верхних этажах партии именно в эти годы отмобилизовалась и перешла к действиям по захвату власти группа, выступавшая против московско-уральско-ленинградской группы (центрально-русской). Опорой «центровиков» были военно-промышленный комплекс и армия. Но цепь непрерывных поражений наших союзников в арабо-израильских войнах уменьшала заслуги и авторитет этой группы. А когда начались провалы в афганской войне (я порой думаю, что ее и затеяли именно для дискредитации не столько армии и ВПК, сколько для дискредитации опиравшейся на них группировки захвата власти в КПСС) и нависла перспектива проигрыша «звездных войн», судьба центрально-русской группировки в части ее претензий на руководство КПСС была предрешена.

Вот этот-то провал центрально-русских лидеров КПСС не мог не сказаться на отношении к Цаголову, которого причислили – частично обоснованно, частично необоснованно – к этому направлению.

Как бы то ни было, многолетняя осада Института экономики, штурм этой «крепости» и победа не стали для Н.А. Цаголова стартом для нового победного марша. Даже в самой узкой области – переиздание учебника Цаголова, даже тут не удалось добиться успеха.

6. Утрата и обретение экономического факультета

Для судьбы концепции Цаголова оказались важными не только события на «внешних фронтах», но и изменения на экономическом факультете.

Развитие экономического факультета определялось спросом на преподавателей политэкономии. Этот спрос рано или поздно должен был стабилизироваться, в основном соответствуя числу мест преподавателей в стране и числу покинувших эти посты по возрасту.

С другой стороны, рос спрос на экономистов новых направлений. Их на факультете было два. Во-первых, специалисты по зарубежной экономике. Во-вторых, специалисты в области планирования, управления и экономико-математических методов.

Зарубежников готовил МГИМО. Качество подготовки там было с точки зрения знания языка неплохим, а вот в области экономики подготовка была несопоставима с той, что давал экфак МГУ.

Влиял и состав студентов. В приеме среди студентов МГИМО преобладали дети высокопоставленных сотрудников МИД и других органов. Все начальство видело будущее своих детей не в службе в армии (как было перед войной при Сталине) и вообще не в работе в СССР, а в зарубежных посольствах и представительствах, превращавшихся в кормушки для недорослей номенклатуры.

А на экфаке МГУ отбор шел более качественно, отбирались лучшие.

Так зарубежное отделение экфака МГУ все больше становилось мечтой «элиты».

В области планирования, управления и экономико-математических методов тоже были вузы, выпускавшие специалистов. Но опять-таки теоретический уровень наших выпускников был существенно выше. Один руководитель Госплана СССР как-то сказал мне: «Первые три года у нас лучше работают выпускники экономических вузов – Плехановского, финансово-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

го и т.д. Но через три года карьеру быстрее делают ваши выпускники».

Уровень, выделявший наших выпускников, в значительной мере был связан с уровнем преподавания экономической теории, за которую отвечала кафедра Цаголова. Влиял и высокий уровень преподавания математики в МГУ, а также быстро укрепляющиеся кафедры самого факультета.

Расширение приема на зарубежку и экономико-математические методы увеличивало число часов для кафедры политэкономии, вело к ее росту. Но, с другой стороны, на обоих отделениях объем курсов политэкономии неизбежно сокращался – надо было найти время для «своих» предметов. А через «свои» предметы студенты узнавали и о современных экономических теориях, и о концепциях менеджмента. Окна для веяний с Запада оказались приоткрыты.

Скажем, студент зарубежки Егор Гайдар, специализирующийся по Латинской Америке, мог, изучая Чили, при желании освоить и экономические концепции либерализма, принятые чилийской хунтой, которой руководил Пиночет. А студенты отделения матметодов, изучая эффективно зарекомендовавшие себя на Западе модели, усваивали и те теории, скажем, предельной полезности, которые были основой этих моделей.

Еще один фактор – развитие хоздоговорных работ. Их разрешали в силу необходимости дать дополнительный заработок преподавателям, жизненный уровень которых все время падал. Эти работы вели не только к росту числа сотрудников конкретных кафедр, но и расширяли их знания реальной жизни, что укрепляло их позиции в любых научных дискуссиях.

Так создавалась объективная основа для кризиса на факультете, считавшимся сугубо политэкономическим.

На эти объективные процессы наложились субъективные.

Сам Цаголов – по возрасту и по здоровью – все более и более переходил к дистанционно-явочному виду руководства. Неделю-две он отсутствовал, затем являлся на кафедру и учинял тотальный разнос всем и вся. Все терпели, так как знали, что

...Опять припоминаю благодарно...»

завтра его уже не будет и можно будет опять работать без напряжения. При этом число «явлений Христа народу» в течение учебного семестра неуклонно сокращалось. Учитывая уже упомянутый мной характер его заместителей, крупные вопросы без Цаголова не решались, а самого «Цаголова» становилось на кафедре и факультете все меньше. Контроль Цаголова над кафедрой и тем более над факультетом ослабевал.

И тут стал влиятельным новый фактор – декан Солодков стал дистанцироваться от Цаголова. Солодков получил все – профессора, кафедру, защитил диссертацию. Солодков стал развивать свое научное направление – экономику непроеизводственной сферы, создал лабораторию экономики образования. Появился круг молодых ученых, которые для Солодкова становились гораздо более близкими, чем Цаголов.

Еще сильнее стало следующее обстоятельство. Факультет, более половины студентов которого уже не были политэкономистами и более половины преподавателей и сотрудников которого также не были политэкономистами, потребовал от Солодкова поиска кадров, в подборе которых ему Цаголов ничем не мог помочь.

К сожалению, среди окружавших Солодкова стали появляться и люди сомнительной репутации. Сомнительные люди рвались на факультет, так как престиж учебы на нем рос, конкурс при приеме становился все более высоким, чуть ли не наиболее высоким в МГУ. И стремление родителей обеспечить прием ребенка не могло – в рамках расширяющейся в стране коррупции и появления людей с большими деньгами – не вести к росту «цены приема» на факультет. В общем, было где погреть руки. Надо было только стать нужным или близким Солодкову.

Думаю, что существенным был и внутренний слом самого Солодкова. Умный и грамотный руководитель, он не мог не видеть развертывающегося кризиса советской системы. Отреагировал он вполне в духе Владимира Высоцкого: «Мы дети страшных лет России – безвременье вливало водку в нас». Начал работать и обычный спутник выпивок – женский фактор.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Цаголов не мог не видеть всего этого. Но, думаю, не сразу осознал опасность и ее масштаб. Солодков становился чем-то, что снижало тот самый имидж факультета, над созданием которого многие годы работал Цаголов вместе с тем же Солодковым. Другие члены совета – а деканы в МГУ избирались (это были остатки университетской демократии дореволюционных времен, частично ожившие после XX съезда КПСС) – думали еще жестче.

Формальным поводом для принятия решений стало переизбрание Солодкова на новый, третий срок. Новый ректор МГУ – академик Р.В. Хохлов – применил демократический принцип: ничего не обсуждая, он раздал всем членам совета по две совершенно одинаковые бумажки. Одна – со словом «да», другая – «нет», и предложил вернуть ему по одной бумажке. Просмотрев, он сказал: «Все ясно. Верните мне и те бумажки, которые вы оставили у себя, – мне все понадобится на других факультетах». И объявил: «Будем искать кандидатуру нового декана». Начались сложные переговоры с претендентами.

Меня в это время на факультете не было: я был в Вене, проходил двухмесячную стажировку на пост заместителя директора Международного института прикладного системного анализа (этот пост там закрепили за СССР). Искал дом для семьи, решал вопросы учебы сыновей и т.д. Поздно ночью раздался звонок – звонил Хохлов: «Тебе надо срочно вернуться в Москву. Нужен декан». Я попытался возразить, что столько сил и Гвишиани, и Аганбегяна, и его самого было потрачено на организацию моего назначения. Но он ответил кратко: «Поверь, у меня нет выхода, возвращайся».

Хохлов был мой хороший знакомый и по комсомольской, и по партийной работе, и по увлечению горами (он был альпинистом, а я занимался горным туризмом). Когда Хохлов стал ректором, у меня отношения с ним укрепились. Хохлов был членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, был членом Президиума Верховного Совета, очень активно участвовал в обсуждениях проблем страны. Он начал привлекать меня сначала

...Опять припоминаю благодарно...»

ла для консультаций, а затем все переросло в наши более чем откровенные дискуссии. Это совсем другая тема – Рэм Хохлов, но я уверен, что в его лице и партия, и страна потеряли возможного вождя. Он обладал всем, чего не было у А.Д. Сахарова и что мешало Сахарову занять место лидера страны. Хохлов был шансом для интеллигенции получить во главе страны интеллектуала высокого уровня. Но нашей стране в конце XX века катастрофически не везло: Хохлов погиб.

Хохлову я отказать не мог. К тому же мне позвонили еще два близких мне человека – заведующие кафедрами – А.И. Анчишкин и С.С. Шаталин. Они тоже считали, что надо немедленно выезжать. 29 марта 1977 года я выехал из Вены. Перед выборами я долго беседовал и с Солодковым, и с Цаголовым. С М.В. Солодковым разговор был полуделовой, полуличной. Я заверил его, что если меня изберут деканом, я ни при каких условиях не допущу «расследований» и «разборок».

Гораздо важнее была беседа с Н.А. Цаголовым. Я открыто изложил Николаю Александровичу свою концепцию работы деканом. «Я глубоко ценю теоретический характер нашего факультета. Я буду добиваться переиздания Вашего учебника. Но я должен высказать свое откровенное мнение: в одиночку ни кафедра, ни учебник не победят. Возможность была несколько лет назад – не по Вашей вине ничего не получилось. Будущее политэкономии на нашем факультете – быть центром тройки. С одной стороны, зарубежники. С другой – отделение планирования и матметодов. И – я опять-таки откровенен – сначала я должен укрепить «пристяжных». Если такое видение будущего Вас устраивает – проблем нет. Если нет – дайте Ваше видение перспективы». Цаголов сказал, что ему надо подумать. На другое утро он позвонил и сказал, что идея «тройки» его устраивает. 31 марта тайным голосованием чуть ли не единогласно совет избрал меня деканом.

Как декан я разработал долгосрочную программу модернизации факультета. Кое-что удалось и сделать: мы получили возможность переехать в новое здание и расширить свою террито-

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

рию. Создали кафедру экономики природопользования. С невероятными усилиями удалось приобрести – несмотря на все официальные запреты – в США (через две нейтральные страны) современный компьютер и создать вычислительный центр. За границу стали ежегодно выезжать на стажировки преподаватели и аспиранты в несопоставимых с прежними масштабах. Я постарался, чтобы ездили и молодые доктора с кафедры Цаголова.

Но в целом я проиграл. Летом 1977 года погиб на Памире Рэм Викторович. И я допустил первую стратегическую ошибку: я решил, что можно попытаться работать с новым ректором. На деле можно работать – если, конечно, не отбывать время – только с единомышленником. В советской системе работать без «крыши» было еще более невозможно, чем в сегодняшней России. «Крыши» у меня не оказалось.

Вторая стратегическая ошибка состояла в попытке избраться в Академию наук СССР. Я хотел перед большими «боями» вокруг факультета все же чем-то компенсировать уход Хохлова. И я решил избраться в Академию наук. В тогдашней советской системе академия была во многом независима и от власти, и даже от ЦК партии (достаточно сказать, что завотделом науки ЦК годами не мог пробиться даже в члены-корреспонденты академии). Рассуждения мои абстрактно были верны, но конкретно сориентироваться я не смог, допускал ошибку за ошибкой. Понял, что проигрываю, но отойти вовремя не сумел.

Я не сумел разобщить и силы противников – прежде всего тех, кто считал меня ревизионистом и даже антисоветчиком и видел во мне исключительную опасность для политэкономии и тех, кто потерял контроль над приемом на факультет и выступал против меня по чисто шкурным соображениям.

К стратегическим добавилась масса ошибок тактических. Через три года мне пришлось принять решение – в пере выборах на новый срок не участвовать. Увешанный партвзысканиями, я ушел.

Мои планы создать факультет в варианте трех центров и на этой основе сохранять и развивать кафедру политэкономии не удались. Факультет вернулся к декану-политэконому.

Цаголов – надо прямо сказать – никакого участия ни в каких кампаниях против меня не принимал. Но, с другой стороны, он и не мешал части своих кадров организовывать наступление на меня.

Из реванша у политэкономов ничего не получилось. В стране начались новые времена – Андропов, Черненко, Горбачев. Политэкономы школы Цагорова оказались способны только на одно: выдвинуть группу молодых ученых, сторонников возрождения марксизма-ленинизма и очищения его от всех наслоений послесталинских времен. При поддержке помощника Черненко В. Печенева и под руководством главного редактора «Коммуниста» Р. Косолапова они попытались предложить партии и стране свою альтернативу. Но было уже поздно: дни Черненко, под сенью которого они надеялись сплотиться, промелькнули.

К началу перестройки школа политэкономии экономического факультета – за некоторыми персональными исключениями – оказалась вне главных течений. И экономический факультет она снова «отдала», как в 1977 году, но на этот раз не «конкретникам», а «зарубежникам». Политэкономы факультета оказались не в состоянии выдержать бури новой эпохи.

7. Кто подготовил реформацию?

Н.А. Цаголов завершил свой жизненный путь в своеобразном сочетании «блеска и нищеты».

С одной стороны – заслуженный деятель науки, широко известный и глубоко уважаемый ученый и педагог. На груди – все высшие награды СССР: орден Ленина, орден Октябрьской революции, орден Трудового Красного Знамени.

С другой – очевидное и наиболее ясное именно ему самому несомненное поражение разработанной им концепции политической экономии социализма. Эта концепция не только не сумела стать теоретической основой руководства государства, но и не завоевала даже права считаться официальной программой курса, преподаваемого в вузах и техникумах страны. Учебник Цагорова на многие годы безнадежно застрял в тупиках Министерства высшего образования.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

По существу дело всей жизни – после великих успехов и триумфов – вернулось к исходному: к расположенной в пяти-шести комнатах четвертого этажа корпуса гуманитарных факультетов МГУ одной из кафедр экономического факультета. То же случилось со старухой в сказке Пушкина о рыбаке и рыбке.

При этом поражение политэкономии Цаголова наступило не в годы перестройки и даже не в годы распада СССР, а значительно раньше. Как и поражение моей собственной науки – теории управления социалистическим производством или экономико-математической концепции экономики социализма, беда к политэкономии Цаголова пришла от самого строя государственного социализма и была одним из признаков и составной частью **внутреннего разложения** не соответствующих характеру производительных сил базиса и надстройки советского строя. Концепция Цаголова – опять-таки говоря словами Пушкина – «приняла смерть от коня своего».

Концепция Цаголова стала жертвой того самого разложения, которое обрекло на неудачу попытки организовать реформы при власти КПСС в период перестройки и предопределило гибель социализма в период революции 1989–1991 годов. Советская система к концу восьмидесятых превратилась в нечто, готовое рухнуть в результате самых незначительных потрясений.

На многих встречах и лекциях я не раз слышу заявления – иногда с похвалой, чаще в обвинительном духе – «это вы развалили СССР и социализм».

На такие заявления – исходят ли они от восторгающихся или от негодующих – я всегда отвечаю одинаково. Вы меня хвалите, вы меня поднимаете на небывало высокий пьедестал и приписываете мне чрезмерные силы и почти демонические возможности. Вспомните знаменитое заявление Сталина, когда ему сказали, что вожди оппозиции не признают обвинений. «Сколько миллионов тонн стали и чугуна производит наша страна? Сколько миллионов человек в Красной Армии? Разве может один человек перевесить все это?»

...Опять припоминаю благодарно...»

Я никогда не скрывал, что приложил все свои силы и способности, чтобы устранить угрожающий самому будущему России, не оправдавший ни надежд, ни грандиозных усилий миллионов людей строй, чтобы он был заменен тем строем, который доказал свое соответствие современному уровню цивилизации. Но я не считаю себя главным в реализации этой исторической идеи. Мне выпала судьба принять активное участие в похоронах, но смерть наступила от других причин. От каких?

Жизнь и судьба Николая Александровича Цаголова позволяют кратко обсудить причины гибели социализма.

Лишившиеся кресел и кормушек коммунистические начальники СССР охотно и с воодушевлением говорят, что они потерпели поражение в жесточайших схватках холодной войны с США.

Такая версия того, кто тебя выбил из седла, конечно, очень почетна. Я вовсе не бездарен и не сидел не в своем кресле. Напротив, я дрался славно, но противник оказался сильнее. Так что и ругать меня не за что. И в будущем я скорее всего буду власти нужен, я все же настоящий боец.

Вся эта версия «победы США» совершенно не вяжется ни с полной растерянностью США перед фактом распада СССР, ни с полной неготовностью разведслужб США что-то предсказать, ни с фактическим банкротством целого лагеря высококвалифицированных «советологов», которые оказались совершенно растеряны. Станный победитель, на которого победа свалилась как снег на голову.

На самом деле США, прилагая гигантские усилия, все же не победили, а просто вдруг оказались перед неожиданным для них падением противника. Кстати, и до сих пор не могут найти правильного способа действий.

Другая версия гибели советского строя главную причину переносит уже внутрь страны. Конечно, это уже теплее. Но причину эта версия видит в коварном замысле то ли масонов, то ли евреев, то ли кого-то еще. Так сказать, пригретая за пазухой змея укусила, и укус оказался смертельным.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

В этой версии все красиво и логично, но никаких фактов под ней нет. Ни доказательств наличия заговора, ни факторов деятельности этого заговора. Тотальный контроль КПСС и КГБ над страной, чуть ни над каждым вздохом каждого гражданина полностью отвергает саму возможность создания и тем более функционирования такого заговора.

Понимая это, иные «теоретики» переносят заговор в недра самого КГБ, даже приписывают лидерство начальству КГБ. Такое истолкование опять-таки льстит нашим охранителям: все же это мы, а не кто другой, сами затопили свой корабль.

Я не буду перечислять прочие версии. Если стоять на почве марксизма, то есть только одна верная версия: строй, для утверждения которого создали мощную государственную машину, на создание которого истратили грандиозные ресурсы, во имя которого разграбили природу и лишили наших потомков принадлежащих им богатств недр, и, самое главное, во имя которого уничтожили десятки миллионов жизней людей и почти всю элиту народов России, оказался не соответствующим цивилизации XX века.

И с этой точки зрения, говоря о том, кто же внес главный вклад в поражение социализма, я отвечу: разумеется те, кто больше всего на него работал, т.е. правящая бюрократия социализма. Это она, попробовав все что можно, довела страну до полного краха.

Но неоценимую помощь этой правящей страной бюрократии оказали и те, кто напряженно искал рецепты лечения. Как безрезультатное (кроме первых успехов) применение этих научных рекомендаций, так и неприменение этих рецептов сыграло исключительную роль в судьбе СССР.

Это касается всех естественных и технических наук. Это касается и всех социальных наук. В том числе и экономических, в том числе и политэкономии. Именно повторяющиеся с неизменным постоянством первоначальные успехи от новых решений, временные удачи и конечные неудачи приводили всех, кто мыслил трезво и непредвзято, к мучительным выводам, что дело

не в том, что поставляемый нами корм «не в коня», что дело не в низком уровне руководителей, получающих от нас советы, а в чем-то гораздо более фундаментальном – в непригодности самой машины. Эта исходная непригодность предопределяет появление слабых лидеров, накладывает неустранимые ограничения на наши предложения, приводит к краху все попытки что-то реформировать.

Я уважаю личное мужество и вижу тяжелейшую судьбу многих, кто уехал или кого изгнали из СССР. Но я глубоко уверен, что они не были ни первым, ни вторым, ни даже третьим эшелоном наступающих на тоталитарный социализм колонн.

Первым было руководство СССР. Вторыми – те, кто как Цаголов и я сам, непрерывно искали рецепты и непрерывно оказывались у разбитых корыт. Третьими были те, кто, наконец, сделал вывод, что рецептов вообще нет и надо отказаться от реального социализма и перейти, как пел Высоцкий, «красные флажки».

Н.А. Цаголов был среди тех писателей, ученых-естественников, деятелей культуры и техники, историков, экономистов, журналистов, кто своей честностью, своей невероятной активностью, своей добросовестностью подготовил не подлежащий пересмотру приговор государственному социализму: вылечить этого смертельно больного невозможно.

И далеко не случайно, что экономический факультет с его ведущей кафедрой политэкономии дал новой России и ее первого некоммунистического премьера – Егора Гайдара, и многих министров правительства, и бывшего лидера Госбанка России Дубинина, и нынешнего лидера Госбанка Игнатьева, и главу Внешэкономбанка Костина, ну и меня – первого свободно и альтернативно избранного москвичами мэра Москвы. Все мы связаны с Николаем Александровичем и тем, что следовали ему, и тем, что порвали с ним, когда это стало неизбежно.

В целом всей своей деятельностью Цаголов приближал то будущее, в котором мы теперь живем. Его научные усилия важны для развития социалистических идей.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Внести свой вклад в движение своего времени к будущему – что может быть достойнее для интеллигента?

Оставить для будущей социалистической идеологии непротиворечивую и логичную утопическую модель всей экономики – что может быть достойнее для социалиста?

2003 г.

Харитон Гаврилович ПОПОВ

1. Мартиролог Иван Джухи

Иван Георгиевич Джуха принадлежит к тем активистам демократического движения, которые восприняли поражение избранных лидерами этого движения форм деятельности, сосредоточенных на добывании депутатских мест, не как конец света, а как необходимость искать другие, прежде всего непарламентные формы развития демократии в России.

Он поставил себе цель: написать серию книг, посвященных грекам СССР, погибшим в результате репрессий советской власти в ходе строительства сталинского социализма. И, как сам пишет, не потому, что «преследую цель убедить читателя в том, что греки – самые гонимые или самые преследуемые этим социализмом... Русские и украинцы... подвергались большевиками репрессиям постоянно и понесли самые большие потери. Я пишу о греках, поскольку сам являюсь частицей этого великого этноса».

Фондов для финансирования начинаний типа проекта Ивана Джухи у нашего нынешнего государства, разумеется, не оказалось. Все делается на энтузиазме автора и добровольных пожертвованиях сочувствующих ему.

Уже вышла в издательстве «Алетейя» в Петербурге его первая книга – «Греческая операция» – из серии «Греческий мартиролог». Слово «мартиролог» означает «список жертв» и происходит от греческого слова «свидетель».

Свой долг российского демократа и российского грека Иван Джуха выполняет, пытаясь собрать, спасти и сохранить то, что хотели бы забыть, затерять, «стереть в лагерную пыль» те, кто

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

думает, что можно воспитывать молодое поколение и строить новую Россию, скрывая и игнорируя уроки прошлого.

Книга Джухи абсолютно документальная. Она вся из свидетельств, устных и письменных. Работая над материалами, Иван Георгиевич обнаружил письмо моего отца генеральному прокурору СССР А.Я. Вышинскому с ходатайством о помиловании заключенного.

Честно говоря, я не поверил.

Во-первых, отец всегда был с советской властью. Он всем был обязан советской власти: учебой на рабфаке, в Тимирязевской академии, аспирантурой и всем остальным – от ученых степеней и званий до должности заведующего кафедрой. И представить, что он сомневается в решениях власти, я просто не мог.

Во-вторых, отец был очень осторожный человек. Он даже дома, если начинались споры с мамой на острые злободневные темы политического характера, всегда переходил на греческий язык. Они с мамой сознательно не обучали нас, детей, греческому языку, чтобы секретничать от нас. И этот сверхосторожный человек пишет ходатайство за заключенного?

В-третьих, обнаруженное письмо датировано февралем 1938 года. А письмо, направленное первым, написано в 1937 году. Разгар репрессий и арестов. Каждую ночь кого-нибудь увозят, а отец пишет жалобу на действия НКВД? Он что, не понимает, что одного намека из органов достаточно, чтобы и его, и маму выгнали бы из Тимирязевки – если бы не «удостоили» чем-то более страшным? Не вмещалось в голове – он был умным человеком.

Ну и наконец, семейная ситуация. Я родился в конце 1936 года. В 1938 году мама беременная, семья ждет второго ребенка. Оба учатся в академии, живут в общежитии. От родителей – ни рубля, так как те сами еле выживают. Отец по вечерам преподает – чтобы иметь деньги для семьи – в вечерних школах. Год за годом это единственный приработок. И времени вечно не хватает. Когда сочинять послания в прокуратуру?

В общем, я не поверил.

2. Заявление

Но вот ксерокс у меня. Сомнений нет – это письмо отца. От руки. Его почерк – корявый, левши. И ошибки его, характерные.

Да и фамилия человека, за которого ходатайствует отец, говорит, что это какой-то его родственник по линии моей бабушки.

Содержание заявления говорит о том, что отец думал, и думал много.

Он не жалуется ни на необоснованный арест, ни на приговор суда. Отец просит о помиловании, хотя логичнее было бы просить о пересмотре дела.

Далее, отец никого не обвиняет в том, что на его предыдущие заявления нет никаких ответов.

Почему все-таки отец писал эти заявления?

Исходными были три фундаментальные черты его характера: чувство справедливости, мужество и вера в советскую власть. Чтобы писать ходатайство в разгар репрессий, рискуя собой, только что родившимся сыном и ожидаемым вторым ребенком, мало одного мужества. Мало самого сильного чувства справедливости. Тут нужна эта самая **вера**.

Сын безлошадного крестьянина-бедняка – моего деда Гавриила Попова, сам батрачивший у состоятельных соседей-греков, отец считал советский социализм наиболее соответствующим интересам всех бедных.

Думаю, что на решение отца выступить за помилование повлиял и его личный опыт успешной борьбы за освобождение из тюрьмы моего деда.

Дед, служивший в 1905 году в Одессе и во время восстания «Потемкина» участвовавший в отказе солдат своей роты идти на подавление демонстрации, революцию 1917 года встретил с восторгом. Вначале сочувствовал левым эсерам Марии Спиридоновой. Потом крестьянскому анархо-коммунизму Нестора Махно в Гуляй-поле, расположенном всего в сотне верст от его села. Но с провозглашением НЭПа стал на сторону большевиков. Избирался председателем и сельсовета, и сельской ячейки Рабкрин, и руководителем крестьянских кооперативов.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Когда был объявлен курс на коллективизацию, дед понял, что это ликвидация не только и не столько кулаков, сколько самого крестьянства – как класса. Он сопротивлялся. Его сняли со всех постов, судили, посадили в тюрьму. Конфисковывать в бедняцком хозяйстве было нечего.

Отец был убежден в невинности деда. Он писал статейки в местные газеты, был селькором. Отец воспользовался враждой газеты и местной власти. Газета подала арест деда как травлю селькора. Деда из тюрьмы освободили. А отец уверился, что советская власть – его власть, самая справедливая для бедняков и всех простых людей.

В деле есть отзыв из лагеря в бухте Нагаева (Колыма) от начальника лагеря. В нем он пишет, что заключенный Федор Скударь, осужденный на 9 лет, работает хорошо, ударник, посещает политзанятия, в хороших отношениях с другими заключенными, чистоплотен, дисциплинирован, уживчив. Поэтому ему уже сократили срок – из девяти лет заключения на целых... 92 дня.

Конечно, заключенного не помиловали. Более того, на всякий случай избавились от арестанта, которым интересуется Москва. И к делу подколоты справка о том, что заключенный скончался от крупозного воспаления легких в лагерьной больнице...

Отец уверен, что сосед не виновен. Но власть считает – виновен. Значит, и он, отец, в ее глазах попадает под подозрения – как защитник ее врага.

Он понимал всю опасность своего положения. Надо было делать выводы.

Он помнил, какие выводы сделал освобожденный из тюрьмы мой дед. Дед всю семью буквально «разогнал» из села. Старшего сына – на флот. Другого – на завод в город. Еще одного – тоже на флот. Дочь – в университет в Ленинград. Отца – учиться в Тимирязевку.

Отец отказался и от аспирантуры, и от вариантов остаться работать в Москве. На родину ехать еще опаснее. Отец попросил направить его работать... в Сибирь.

Это был, как я теперь понимаю, лучший вариант. Отца послали работать на Алтай. Это спасло и его, и нашу семью. А я на всю жизнь перестал бояться Сибири и полюбил ее так же, как две другие «опоры» в моей жизни: сначала Дон и донецкую степь, а потом Москву.

Верить по-старому в советскую власть отец уже не мог. Сомневаться во власти – тоже не мог. И он изобрел такую схему. Есть социализм и советская власть как теория. И есть реальная советская система, которая может и отклоняться от модели, и даже совершать ошибки.

3. О советском социализме

И меня отец настойчиво учил различать «идеал» и «реальность». Ты – сын и внук бедняка, ты сын трудового народа. Советская власть – твоя. А с отклонениями – борись.

С отцовской моделью двух социализмов: социализма теоретического, правильного, идеального и социализма реального, требующего улучшений и очистки, я жил долгие годы.

Но чем больше я углублялся в проблемы улучшения, чем ближе я становился к «кухне верхов», чем успешнее шли мои личные дела, тем больше я ощущал недостаточность идеи «жить ради очищения социализма».

Во-первых, отклонений становилось все больше и больше.

Во-вторых, я все больше понимал, что у них есть внутренняя связь, а в этой связи есть логика. Я шел к идее, что «недостатки» социализма – это не свалка частных, а нечто цельное. Потом я эту цельность назвал административной системой. В советское время еще нельзя было сказать «государственно-бюрократический социализм».

В-третьих, эта система с годами все меньше думала об идеалах социализма, а прежде всего стремилась к собственным целям. Чаще всего это были цели бюрократии и возглавлявшей аппарат номенклатуры.

Государственно-бюрократический социализм оказался менее эффективным с точки зрения того главного критерия развития,

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

которому меня учили книги Маркса, Энгельса, Ленина, – критерия роста производительных сил, прогресса науки и техники.

Реальный социализм ничего в области технического прогресса не создал. Телевизоры и стиральные машины, компьютеры и синтетика, новые лекарства и автомобили – все появилось за границей. Военная техника и гении нашей науки во многом «кормились» тем, что нашим шпионам удавалось украсть за рубежом.

Если даже власть брала правильный курс – на плотины, на кукурузу, на химизацию, на удобрения, на мелиорацию, то все обязательно делалось с перегибами, с чудовищно большими расходами, с разрушением окружающей среды, с созданием в центре и на местах гигантского бюрократического аппарата партии и государства.

Со всеми моими доводами отец был согласен. Но в его «счете» к власти на первом месте стояли растущая несправедливость реального социализма (все эти пайки, распределители и т.д.) и все более наглое вранье народу на каждом шагу.

А вот со вторым направлением моих выводов отец не соглашался. Выводы эти были следующие.

Если идейно чистый марксизм-ленинизм породил такой реальный социализм, то это не может быть какой-то случайностью. Надо в нем самом искать почву для искажений.

Но более важное состояло в другом. Анализируя теории социализма, я убеждался, что в них не было места техническому прогрессу. Упразднение частной собственности, отдельной семьи и государства уничтожало все стимулы совершенствования.

На мое замечание, что даже идеальный социализм ведет к застою, отец заявил: «Ну и что? Если так, то лучше умереть вместе со справедливым обществом, чем жить при несправедливом».

Я возражал. Если распределять по итогам труда, равенства не будет. Если распределять поровну, то получится несправедливо к тем, кто работает лучше.

А при полном коммунизме вообще никто не будет интересоваться ни справедливостью, ни равенством, так как этот строй

возможен только при превращении труда в первую жизненную необходимость, только если понятие «жить» будет означать «работать».

Значит, надо думать о новой теории социализма. А пока что ограничиться теми или иными мерами социалистического характера, реальными для нашего времени. Мои мысли все чаще обращаются к социал-демократии.

Видя, что Горбачев начал захлебываться в своих попытках реформировать СССР, я принял решение выступить против советской номенклатуры, возглавлявшей ее советской бюрократии, ее партии, ее советского социализма, ее советской власти.

Отец, конечно, читал мои статьи. Смотрел дискуссии по телевидению. Меня он никогда не отговаривал. Только когда меня избрали народным депутатом СССР, он сказал: «Страну, Россию, возможно, вы и спасете. А вот деньги трудовому человеку вы сможете платить приличные, как в Европе, только через десятки лет. Но каким бы приличным ни был этот заработок бедных, сравнение с доходами богатых будет раздражать. Народ выше всего ценит равенство и справедливость».

И еще один был разговор. Узнав, что я решил избираться мэром, он заметил: «Ты имеешь дело с коммунистами. Они никогда ни перед чем не остановятся». Я понял и ответил: «Я готов к любому варианту». Отец помолчал и добавил: «За сыновей не беспокойся. Пока я жив, я сделаю для Ирины и внуков все».

Я сказал: «Я остаюсь социалистом. Но я рву с советским вариантом социализма, с государственно-бюрократическим социализмом». Отец ответил: «Да, этот социализм изменил трудовому народу. Но с его противниками я пойти не могу. Я крестьянин. Если один посев не уродился, надо сеять заново». Я возразил: «Говоря крестьянским языком, надо сначала выполоть все сорняки, убрать и сжечь ботву и солому, выкорчевать засохшие яблони, зарезать безнадежно больных животных. Пойти и на более сложные меры: заменить овес кукурузой и т.д. Всем этим и собираюсь заниматься».

4. О моей отставке

Советская номенклатура опередила нас. Мы еще не были готовы к работе, а она уже разрушила и СССР, и социализм. Ради перспективы уцелеть самой и навязать стране свой, номенклатурный выход из социализма.

Правда, она не решилась сразу создать «управляемую демократию», а воспользовалась прикрытием в виде олигархов, либералов, западников. Опыт езды на чужом горбу у нее был огромный: на лошади крестьянской революции против феодализма «ввезла» в Россию диктатуру пролетариата. На Отечественной войне русского народа против Гитлера «присоединила» Восточную Европу. На освободительной антиколониальной революции пыталась захватить Азию, Латинскую Америку и Африку. Американским хлебом годами спасала одну из опор советской бюрократии – колхозный строй.

Народ заставили расплачиваться и за тупиковые итоги десятилетий бесконтрольного начальствования коммунистической бюрократии, и за то, что он посмел подняться на революцию 1989–1991 годов. На народ одна за другой начали обрушиваться беды – освобождение цен, обесценивание сбережений, ваучеры.

Отец переживал и страдал. Однако богатырский организм, выдержавший и голод коллективизации, и полуголодные годы студенчества, и войну, и полуголодную аспирантуру, и работу сразу в двух, а то и в трех местах, теперь сдал. Рак.

Я зашел к нему в палату. Смотрит мне в глаза: «Ну, что ты решил?»

Я понял, о чем он спрашивает. И ответил: «Я подал Ельцину заявление об отставке с поста мэра. Я буду бороться за народно-демократический вариант выхода из социализма».

Ничего не говоря, он слабеющей рукой погладил меня по голове. Так он всегда делал в детстве, когда мне предстояло что-то очень тяжелое. Жест всегда означал и одобрение, и веру в меня. Он лучше всех понимал, чего мне стоило это решение об отставке, – оно было для меня таким же тяжелейшим, как и решение порвать с советским социализмом.

Он, конечно, не знал о самом разговоре с президентом. Я сказал Борису Николаевичу, что за годы совместной работы привык говорить ему всегда правду и очень ценю его готовность всегда ее выслушивать. Поэтому говорю прямо: «Я не могу и не хочу работать мэром при принятом курсе реформ». Ельцин сказал: «Да. Гайдар тоже говорит: или я, или Попов». Я ответил: «Егор Тимурович грамотный экономист. Он знает, что мои кейнсианство и социал-демократизм несовместимы с его монетаризмом и либерализмом». Ельцин спросил: «Что предлагаете Вы?»

«Прежде всего надо сказать народу правду. Ни 500 дней, ни пяти месяцев, ни пяти лет не хватит, чтобы освободиться от военно-промышленного комплекса, от не способных кормить страну колхозов и совхозов, от в миллионов «ртов» чиновников. Надо прямо сказать: предстоят 10–15 лет тяжелой и напряженной работы – с шестидневной рабочей неделей и восьмичасовым рабочим днем – по перестройке того военного завода, которым является наша экономика. Но власть должна делать все возможное, чтобы облегчить переход. Вот в Москве – с Вашего одобрения – ведется бесплатная приватизация сферы торговли, обслуживания, жилья, введен бесплатный проезд пенсионеров. Надо скорее ввести карточки с гарантированным для каждого минимумом потребления по низким ценам. Надо каждому желающему дать бесплатно на 50–100 лет по 15–20 соток хорошей земли. Я имею программу перестройки национального устройства и других областей. Правда, Ваш телохранитель Александр Васильевич называет все это профессорскими бреднями Попова».

Ельцин: «А мне сулят уже к осени выйти из кризиса. Я в это особенно не верю. Я тоже знаю наш «военный завод». Но под правительство Гайдара США обещали мне 35 миллиардов долларов помощи. Как бы Вы поступили на моем месте?» – «Я бы выбрал 35 миллиардов. Это много. Очень много. Это позволит быстрее, чем при моем пути, перестроить экономику и страну. Но я не верю в эти 35 миллиардов. В рыночной экономике могут

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

помочь голодающим, но кто даст деньги потенциальному конкуренту?!»

Ельцин сказал: «Я понимаю, что для Вашей репутации громкий уход – самое подходящее. Но я бы просил Вас не устраивать с вашей отставкой спектакль в духе ухода Шеварнадзе. И еще: я бы просил Вас поработать до лета – мне спокойнее за Москву, если Вы будете тут в ближайшие критические месяцы зимы. Я обращаюсь с этими двумя просьбами, так как знаю Вас». Я попросил день на размышления.

Я еще раз все продумал. Реформы Гайдара – это уже реформы. Это уже выход из социализма. Это плохой выход, точнее, это самый худший из возможных, но все же выход. И я не могу, даже зная более эффективный, более приемлемый для народа путь, начать борьбу с этим забрезжившим в конце туннеля светом против совсем еще слабой новой власти. И, позвонив Ельцину, сказал, что дату на моем заявлении пусть он проставит весной. Диспутов в связи с моей отставкой я устраивать не буду.

Отец прочел в газетах сообщение о моей отставке за пару дней до своей смерти. Уверен, это скрасило ему последние часы жизни. Он умирал, зная, что его сын, хотя и порвал с советской властью, но остался предан семейному выбору и деда, и его самого – остался верен трудовому народу и его социалистическим симпатиям.

2010 г.

Краткая биографическая справка

Абалкин Леонид Иванович (1930 г.) – советский и российский ученый-экономист, государственный и общественный деятель.

Окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1952 г.).

С 1952 г. преподавал, был директором сельскохозяйственного техникума в г. Гусеве Калининградской области. С 1958 г. – аспирант Московского государственного экономического института. С 1961 г. – ассистент, преподаватель, доцент. С 1966 г. – заведующий кафедрой политической экономии в Московском институте народного хозяйства имени Г.В. Плеханова.

В 1976–1985 гг. – профессор и заведующий кафедрой политической экономии Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС.

Л.И. Абалкин – доктор экономических наук, академик Академии наук СССР (1987 г.), академик Российской академии наук (1991 г.). В 1988–1990 гг. – член Президиума Академии наук СССР.

В 1989–1991 гг. – заместитель Председателя Совета Министров СССР. Член ЦК КПСС в 1990–1991 гг.

В 1989–1991 гг. возглавлял Государственную комиссию Совета Министров СССР по экономической реформе.

В 1986–2004 гг. – директор Института экономики РАН.

С 1991 г. – главный редактор журнала «Вопросы Экономики».

В настоящее время – научный руководитель Института экономики РАН, действительный член Сената ВЭО России, председатель Научно-практического Совета ВЭО России, вице-президент, председатель Координационного Совета Международного Союза экономистов.

Является почетным членом ряда зарубежных академий и университетов.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством», Дружбы народов, «Знак Почета», Большой Золотой медалью ВЭО России, медалями и другими государственными наградами.

Кутафин Олег Емельянович (1937–2008 гг.) – советский и российский ученый-юрист, общественный деятель.

Окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1959 г.).

За время учебы стал признанным лидером студенческой молодежи: с 1956 по 1961 г. – секретарь Комитета комсомола МГУ, избирался членом президиума студенческого совета СССР и членом Комитета молодежных организаций СССР.

С 1964 г. преподавал во Всесоюзном заочном юридическом институте.

С 1971 г. – преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 1973–1982 гг. – заместитель декана юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Доктор юридических наук.

Профессор.

С 1987 г. – ректор Всесоюзного заочного юридического института (сейчас – Московская государственная юридическая академия), который возглавлял до конца жизни.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Являлся членом Совета и заместителем секретаря Общественной палаты Российской Федерации, президентом общероссийской общественной организации «Союз юристов России».

Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» (I, II, III и IV степеней).

Павлов Валентин Сергеевич (1937–2003 гг.) – советский и российский государственный и общественный деятель.

В 1958 г. окончил Московский финансовый институт (ныне – Финансовый университет при Правительстве РФ).

...Опять припоминаю благодарно...»

В 1959–1966 гг. работал в Министерстве финансов РСФСР.

В 1966–1979 гг. – начальник бюджетного управления в Министерстве финансов СССР.

Доктор экономических наук (1981 г.)

С 1979 по 1986 г. занимал ряд руководящих должностей в Госплане СССР.

В 1986 г. – первый заместитель министра финансов СССР.

С 1986 г. по 1989 г. – Председатель Государственного комитета СССР по ценам.

С 1989 г. – Министр финансов СССР.

С 1987 г. по 1991 г. – председатель Центрального правления Научно-экономического общества, Президент Всесоюзного экономического общества.

С января 1991 г. – Премьер-министр СССР.

В августе 1991 поддержал т.н. Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Привлечен к уголовной ответственности; освобожден по амнистии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 1994 г.

С конца 1990-х гг. возглавлял Институт исследований и содействия развитию регионов и отраслей при Международном Союзе экономистов.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

Ситарян Степан Арамаисович (1930–2009 гг.) – советский и российский ученый-экономист, государственный и общественный деятель.

Окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1953 г.).

Доктор экономических наук (1966 г.).

Профессор кафедры политической экономии естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (1970–1985 гг.).

Академик Академии наук СССР (1987г.), академик Российской академии наук (1991 г.).

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Директор Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов СССР (1970–1974 гг.).

Заместитель министра финансов СССР (1974–1983 гг.).

Первый заместитель Председателя Госплана СССР (1983–1989 гг.)

Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР (1989–1990 гг.).

Заместитель председателя Межреспубликанского валютного комитета (1990–1991 гг.).

Организатор и директор Института внешнеэкономических исследований (с 1998 г. – Центр внешнеэкономических исследований) РАН (1991–2003 гг.)

Член Экономического совета при Правительстве РФ (1996–1997 г.).

Один из организаторов и президент Международной Академии менеджмента (1996–2009 гг.).

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Дружбы народов, Серебряной медалью ВЭО России.

Хачатуров Тигран Сергеевич (1906–1989 гг.) – советский ученый-экономист, общественный деятель.

Окончил Московский университет (1926 г.).

Директор Всесоюзного НИИ железнодорожного транспорта (1945–1949 гг.) Директор института комплексных транспортных проблем АН СССР (1954–1959 гг.).

Академик Академии наук СССР (1966 г.).

Главный редактор журнала «Вопросы экономики» (1966–1988 гг.).

Академик-секретарь Отделения экономики АН СССР (1967–1971 гг.).

Заместитель председателя Комиссии по изучению производительных сил и природных ресурсов при Президиуме АН СССР (с 1971 г.).

...Опять припоминаю благодарно...»

Организатор и заведующий кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1978–1989 гг.),

Доктор экономических наук.

Профессор.

С 1982 по 1987 г. – Первый председатель Правления Научно-экономического общества.

Является почетным членом нескольких зарубежных академий.

Награжден орденом Октябрьской Революции, другими орденами и медалями.

Ягодин Геннадий Алексеевич (1927 г.) – советский и российский ученый, государственный и общественный деятель.

Окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева (1950 г.).

С 1973 г. – ректор Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева.

В 1985 г. назначен министром высшего и среднего специального образования СССР.

Член ЦК КПСС (1986–1990 гг.), депутат Верховного Совета СССР 11 созыва (1984–1989 гг.).

С 1998 г. возглавил Государственный комитет СССР по народному образованию.

Лауреат Государственной премии СССР (1985 г.).

В 1991 г. избран первым ректором первого в России негосударственного вуза – Международного университета в Москве. Работал ректором до 2002 г., затем заведующим кафедрой.

Член-корреспондент РАН, академик Российской академии образования, Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии РАН им. Д.И. Менделеева, доктор химических наук, профессор, почетный доктор ряда зарубежных университетов.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции.

Г.Х. Попов «...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный...»

Берри Лев Яковлевич (1907–1976 гг.) – советский экономист.

Окончил Воронежский государственный университет (1929 г.).

С 1963 по 1976 г. – организатор, заведующий кафедрой организации и планирования народного хозяйства СССР экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Доктор экономических наук.

Профессор.

Лауреат Государственной премии СССР (1968 г.).

Лауреат Ломоносовской премии (1969 г.).

Цаголов Николай Александрович (1904–1985 гг.) – советский ученый-экономист.

Окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1924 г.).

Доктор экономических наук.

Профессор.

Заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1957–1985 гг.).

Член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР.

Член редколлегии экономической энциклопедии «Политическая экономия», журнала «Вестник Московского университета. Серия: Экономика».

Заслуженный деятель науки РСФСР (1965 г.).

Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

Том сто сорок шестой

Информационно-аналитическое издание для членов
Вольного экономического общества России

Москва, 2011

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России –
125009, Москва, ул. Тверская, 22А

Тираж 1000 экз.

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № 77-3786 от 20.06.2000
Лицензия на издательскую деятельность – ИД № 01775 от 11.05.2000
Подписной индекс – 10920 в Каталоге российской прессы «Почта России»

© Вольное экономическое общество России, 2011

ISBN 978-5-94160-126-4
ISSN 2072-2060